ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ТОМ 2
ИЛЬЯ КРЫМОВ
ДЕТИ СИЛАНЫ.
НАТЯНУТАЯ ПАУТИНА

Дети Силаны

Илья Крымов

Дети Силаны. Натянутая паутина. Том 2

«АЛЬФА-КНИГА»

2017

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Крымов И. О.

Дети Силаны. Натянутая паутина. Том 2 / И. О. Крымов — «АЛЬФА-КНИГА», 2017 — (Дети Силаны)

Легкая часть пути пройдена, но клубок интриг стягивается туже, внезапные потери и неожиданные приобретения меняют расклад сил на игровой доске. Бриан ввязался в противостояние с опаснейшими врагами империи – шпионами, убийцами, террористами, фанатиками нового миропорядка, где тэнкрисам нет места. Ему приходится погружаться в тайны арбализейского двора, красться в полушаге от верной гибели, искать сторонников среди врагов и врагов среди сторонников. А над всем этим довлеет темная воля Дракона Времени. Голодный бог пробудился и пророчит миру Конец Времен.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Крымов И. О., 2017
© АЛЬФА-КНИГА, 2017

Содержание

Часть вторая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Илья Крымов
Дети Силаны. Натянутая паутина. Том 2

© Илья Крымов, 2017
© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Часть вторая
Расследование (продолжение)

Двадцать шестой день от начала расследования

Рев Барона Шелебы пинком вышвырнул меня в явь, да так, что я упал со стула и перекувырнулся через спину. Прекрасное начало прекрасного дня.

Поднимаясь с кряхтением, чувствовал себя немощным стариком – паршивое, мерзкое ощущение. Чашечка крепкого кофе могла все исправить или хотя бы положить начало пути исправления.

Только встав на ноги и справившись с головокружением, понял, что был в комнате не один. У двери стоял Эзмерок.

– Доброе утро, юноша.

– Доброе, мой тан. Разрешите сразу же сообщить, что дверь была приоткрыта, и я не…

– Вы преступник?

– Простите?

– Не прощу, ибо система не должна уметь прощать. Вы преступник, стоящий пред судьей?

– Нет, мой тан.

– Запомните, оправдания нужны лишь преступникам и неудачникам, и ваша ошибка заключается в том, что вы сразу же с них начали. К тому же это выдает ваше чувство вины и выставляет вас слабым. Как тэнкрис, вы не можете себе такого позволить.

Мальчик задумчиво нахмурился, после чего выдал:

– Мне не говорили, что сюда нельзя заходить. Но если это так, я больше не стану.

– Уже лучше, – одобрил я. – Любите вынюхивать чужие секреты?

– Нет, мой тан… не знаю, мой тан.

– Всегда говорите, что вам чужие секреты неинтересны, а своих вы не имеете. Никто не поверит, но лучшего ответа не существует.

– Я запомню, мой тан.

– Славно. А теперь пойдем и сообщим повару, что мы голодны и не против хорошего кофе. Возможно, я даже позволю себе такое захватывающее переживание, как щепотку корицы в нем.

– Простите, мой тан, а что это за рисунки?

– Хм, вы все-таки интересуетесь чужими тайнами, юноша.

– Матушка меня журила за излишнее любопытство. Говорила, что это семейная черта.

Он посмотрел на меня с вопросом в ярких красных глазах.

– Кто знает, возможно и так. Все это нанес на стены своей камеры человек, одержимый древним злым богом. Бог терзал его изнутри, причиняя немыслимые страдания и сводя с ума. Камеру много раз мыли, но он всегда восстанавливал написанное.

– Должно быть, он считал это очень важным, – нисколько не смутившись, заключил мальчик, рассматривая потолок. – А этот большой треугольник что-нибудь значит?

– Полагаю, все это что-нибудь да значит, но у меня не хватает знаний, чтобы понять. Возможно, другие знатоки шифров разберутся лучше, но никогда нельзя отметать вероятность того, что это просто бред сумасшедшего.

– Нет. Если одержимый повторял эти рисунки раз за разом, значит, у них точно есть смысл. Иначе он просто рисовал бы новые каракули.

Такая ясность мышления у ребенка приятно удивляла.

За ранним завтраком я спросил у мальчика, как ему живется под моей крышей после того, как уехала Бель? Эзмерок сообщил, что Мелинда очень мила, что она соорудила для него рогатку и учит стрелять, правда, у него не получается так же хорошо, как у нее. А еще он был бы благодарен, если бы я забыл об услышанном, ибо Мелинда жутко боялась, что я узнаю про уроки стрельбы, а ему будет очень стыдно за выданный секрет.

– Нужно очень постараться, чтобы придумать совершенно бесполезный навык. Стрельба к таковым не относится, так что учитесь.

– Мой тан. – Мальчик отложил серебряную ложку и отодвинул тарелку с недоеденным лимонным пирожным. – Можно задать вам вопрос?

– О нашем с вашей матушкой прошлом, дерзну предположить?

– Да.

– А что Кименрия вам рассказала?

– Почти ничего, мой тан. Матушка говорила, что ей пришлось покинуть вас и бежать из Мескии.

– Почему?

– Некий могущественный тэнкрис пожелал ее смерти.

– Кто?

– Я не знаю.

– Чем она ему не угодила?

– Этого я тоже не знаю, мой тан, и прошу вас, если можно…

– А как бы ваша матушка отнеслась к тому, что я буду раскрывать вам ее секреты?

Я понял, что выбрал правильный довод для того, чтобы оставить нашу историю в тайне. Раз Кименрия не стала рассказывать сыну о своих предательствах, то и мне по очевидным причинам не след открывать ему свои мотивы. Мальчик не должен знать, что тот, кого он полагает отцом, всю его жизнь шел по следу его матери, чтобы убить ее.

– И все-таки вы не могли бы рассказать хоть что-нибудь?

– Не знаю…

– Пожалуйста, мой тан, я ведь не о многом прошу.

– Хм, тэнкрис без прошлого – это тэнкрис без будущего. А что вы хотите узнать?

– Ну… как вы встретились? – робко спросил он.

– Понятно. Что ж, постараюсь быть обстоятельным, но немногословным.

Я взял паузу, чтобы собраться с мыслями и вернуться к событиям, происшедшим несколько десятилетий назад.

– Да, припоминаю. Ким была очень мне дорога. Наши семьи находились в тесных дружеских отношениях, и мы были знакомы с детства, но в определенный момент все изменилось. Семья эл'Дреморов впала в немилость и была наказана. Лишь Кименрия, оказавшись под защитой эл'Мориа и будучи ребенком, избежала кары. Некоторое время она оставалась под крылом моих родичей, но потом заявила о желании жить независимо. Это был смелый, но опрометчивый шаг, ибо фактически она оставалась одна-одинешенька в беспощадном мире Старкрара. Тем не менее ваша матушка выжила и заняла некоторые прочные позиции. Я годами поддерживал с ней связь и старался оказывать посильное вспомоществование, хотя она, в силу гордости, всячески избегала такой поддержки. Кименрия была моим близким другом, которому я доверял свои думы, сомнения и страхи. Потом она совершила роковую ошибку и, спасаясь от последствий, бежала из Мескии. Даже я не смог бы исправить содеянного. На этом прекращаю дозволенные речи, могу лишь добавить, что я был очень рад узнать о вашем существовании, Эзмерок.

Его бледные щеки стали румянее.

– Спасибо, мой тан. А можно еще спросить?

– Хм? Ваши аппетиты растут.

– Простите за дерзость, мой тан, просто… просто я… у меня будет… ну…

Я заметил, куда он бросал смущенные взгляды.

– Хотите знать, будет ли у вас дракулина?

– Да! Видите ли, матушка говорила, что вас всегда сопровождает непобедимая спутница, положенная вам по праву рождения.

– Это интересный вопрос. Наши с вами чистокровные родичи с темной стороны действительно получают спутников по праву рождения, без условий и промедления, однако Себастина появилась рядом со мной во вполне сознательном возрасте. Я был еще ребенком и не задавался такими вопросами, но лишь стоило мне понять, к чему я должен стремиться, она вошла в мою жизнь и обязалась помочь в достижении цели.

– Какой цели? – живо заинтересовался он.

– Unserum a dextria et praestera.

Мальчик задумался, шевеля губами.

– Это девиз Мескии, верно?

– «Единство и наше высшее право». Моя цель – распространение дела Мескийской империи на весь мир по очень простому принципу: один мир – одна империя – один Император. Доедайте свой завтрак, а меня простите, дела не ждут.

Уже скоро мы с Себастиной ехали в мескийское посольство, а я не мог перестать вспоминать утренний разговор. С ослаблением разума моя жизнь преисполнилась сомнений по разным поводам, и сейчас они вновь напали.

– О чем так усердно думаете, шеф? – За рулем «Гарриража» вновь сидел Дорэ, которого отлично подлатали и вернули в мое распоряжение целители. Он лучился приподнятым расположением духа и бурлил инициативой.

– Переставляю фигурки на воображаемой карте мировой геополитики.

– Так и думал! Жаль, что меня не было вчера, коновалы вцепились мертвой хваткой, сбежать не удалось! Такую заваруху пропустил!

– То ли еще будет.

– Ох, надеюсь!

Что-то странное мелькнуло в его эмоциональном фоне и отвлекло меня.

– Адольф, что у тебя на уме?

– А? Ничего, шеф. Просто… задумываюсь о будущем.

– Твое будущее уже распланировано.

– Знаю-знаю. Еще какое-то время порублю врагов Мескии в капусту, затем оставлю полевую работу и полностью посвящу себя преподаванию, а потом окончательно выйду на пенсию, где мой старый сморщенный зад будет подтирать какая-нибудь уродливая грымза. Прекрасные перспективы.

– Мы подберем тебе красивую и добрую сиделку, не волнуйся. Будет подтирать зад, вытирать слюни, брить, купать, кормить, катать по парку и щекотать, если не растеряешь желания. Щедрая пенсия, дом в живописном месте и почести героя. О чем еще можно мечтать?

Судя по тому, что он чувствовал, Адольф Дорэ мечтал об ином. Люди достигали пика физического развития в двадцать семь, а потом следовало увядание, интенсивность которого зависела от наследственности и образа жизни. Адольфу было за пятьдесят, но кроме седины и немногочисленных морщин на это ничто не намекало. Он был силен как бык, и смертоносен, как… как Адольф Дорэ. Психологический портрет немного пугал, но в боевой обстановке не нашлось бы более надежного и полезного соратника, чем вот такой психопат, кромсающий врага в мясо. Возможно, недавнее ранение негативно повлияло на его ментальное состояние. Не вовремя.

– Ты ведь не поклоняешься Все-Отцу, верно?

– Я не религиозен.

– Я тоже. Но мне не очень важно, как я умру, – всяко попаду… в Шелан, а вот сыны Халона удостаиваются его благосклонности, лишь пав в бою либо совершив предсмертный подвиг. Пожалуйста, Адольф, не говори мне, что ты намерен искать славной смерти, мы оба достаточно повоевали, чтобы понимать: таковой не существует.

– Знаю, шеф, – усмехнулся он в усы, – свежие трупы всегда мочатся, а потом еще и опорожняются. Куда уж тут приобрести славу. Помню, отчекрыжил одному башку, а как тушка упала – под ней сразу лужа растеклась. И так раз за разом, кем бы ни был ты при жизни, подохнув, начинаешь смердеть и разваливаться. Никогда не находил в этом ничего геройского.

– Адольф, почему мы говорим об этом сейчас?

– Не знаю, шеф, это ты начал, – радостно улыбнулся человек, хотя мы оба чувствовали, что внутри у него не все ладно.

Пройдя придирчивую проверку, мы вновь оказались на территории посольства. Во внутреннем дворе кроме золотого армодрома наблюдалось также несколько бронированных стимеров с гербами Мескии и Имперры. Заранее вызванные гомункулы прибыли.

– Они все еще чинят эту громадину?

– Им больше нечем заняться, – ответил посольский чиновник, вышедший навстречу. – Коммандеру эл’Орхидусу всегда что-то не нравится, он заставляет инженеров-механиков проверять машину постоянно. Но давайте поторопимся, Великий Дознаватель ждет.

В подземном лабораторном блоке стало еще больше охраны, солдаты и маги сторожили на каждом шагу. Нас пропустили в святая святых, где гомункулы смирно ждали указаний, а Карнифару не терпелось поделиться тем, что он успел узнать за ночь.

– Ну наконец-то! Сколько можно ждать?! – поприветствовал нас гений.

– Тебе понравились подарки, которые я прислал?

– Восторг и трепет! – воскликнул он. – Столько материала! Такое качество!

– Хорошо-хорошо, а теперь объясни мне – с чем мы имеем дело?

– Да все с тем же!

На первом из занятых столов лежало то, что некогда являлось человеком. Плоть его плавно перетекала в кристаллические наросты и чешую неорганической природы, синюю, фиолетовую, бирюзовую. Лицо было сильно изуродовано, нос отвалился, губы и щеки – тоже, зубы превратились в самоцветы. Сплав органики и углеродистой породы застыл с открытыми глазами-сапфирами.

– Это великолепно! Они окаменели заживо!

– Будучи живыми, они не походили на статуи.

– Верю! Они наверняка были очень быстрыми и невероятно сильными, да? Их организмы претерпели мутацию! Видишь, как покорежило? Внутри они такие же! Кости, органы, частично кровь – все изменилось необратимо! Знаешь, что за порода?

– Могу лишь догадываться.

– Ньюмарин! Эти трупы насквозь проросли ихором мертвого бога! При жизни кристалл проявлял гибкость, можешь поверить?

– Божественная плоть все-таки. Будем думать, она и не на такое способна.

Карнифар действительно был в восторге, взахлеб рассказывая о мертвеце.

– Но здесь не тот же образец, что мы извлекли из головы автоматона! Вещество, которое они вдыхали через маски, является продуктом длительного алхимического преобразования! Поработал кто-то очень умелый, я бы даже сказал, кто-то гениальный! Эта смесь полностью меняла организм! Хочешь посмотреть на легкие? Это произведение искусства!..

– Значит, Железное Братство использовало ньюмарин, чтобы усиливать своих солдат, я правильно понимаю?

– Да! Настоящая самоотверженность! Несмотря на то что губительные последствия были значительно нивелированы неизвестным алхимиком, эта гадость все равно яд, и видел бы ты, что она творит с мозгом! Все эти трупы были трупами задолго до того, как вы сделали их трупами!

– Смертники.

– Да! Формула вещества несовершенна, и от длительного использования катастрофически укорачивается жизнь, однако при этом кости становятся прочны, как гранит, мышцы – словно стальные канаты, нервная система работает в разы быстрее, восприятие выходит на новый уровень, а слабости живой плоти уходят в забвение. Из этих существ не создать большого долгоживущего войска, но для авангарда молниеносной войны лучше не найти!

– Или для убийств.

– Верно, для точечных ликвидаций или акций устрашения они тоже подойдут! Так, значит, их послали убить тебя?

– Грюммель прознал, что Шадал эл'Харэн работает на Имперру. Мое инкогнито охромело на одну ногу. В принципе, не смертельно, это было вопросом времени. Когда стало известно, что я посещу дом Луянь Чэна, стальной пророк послал туда вот этих живчиков. Они должны были убить меня и зачистить следы – прикончить Луянь Чэна, который, невзирая на всю свою полезность, был раскрыт.

– Но зубки обломали, – хихикнул Карнифар, – чтобы убить тебя, нужно быть зверем более крупным и злым, а это не каждому дано.

– Польщен. Каковы твои дальнейшие планы?

– Насчет них? Исследовать, исследовать и исследовать! Я еще с автоматонами не разобрался: уж слишком сложна конструкция. А сам-то ты?

– Во дворце появились неотложные дела. Это все, что ты можешь рассказать сейчас?

– Пока что. У меня достаточно образцов вещества, чтобы начать эксперименты на животных, хотя лучше бы несколько смертников из тюрьмы доставить, пусть принесут пользу науке!

– Найдем какой-нибудь материал.

– Ах да, еще кое-что! Уже опробовал мои «Доминанты»? Как они тебе? Есть нарекания?

– Составлю отчет после применения в боевых условиях, но у проекта есть потенциал. Однако для массового производства те образцы, что я снял с трупов пепельных драгун, подходят лучше.

– Просты как рогатки, никакого изящества, и…

– Тот, кто изобрел их, делал продукт для целой армии, а не для одного меня. Они просты, более примитивны, менее надежны и имеют сравнительно малый боезапас, однако десяток солдат, вооруженных этими маленькими пулеметами, выкосит десятикратно превосходящие силы с винтовками. У винтеррейкцев появилось оружие будущего, Карнифар, и я хочу, чтобы у нас оно тоже было.

– Пока у нас есть мои шападо и армодромы, никакое личное оружие…

– Прогресс не стоит на месте. Винтеррейкцы уже обошли нас по части личного оружия, а значит, у них есть светлые умы, думающие, как бы половчее установить большую пушку на бронированный транспорт. Думать иначе – преступная халатность. Модифицируй новое оружие на свой вкус и переправь чертежи в Гастельхов-на-Орме, мы должны начать производство в кратчайшие сроки.

– Ну вот, еще и с этим возиться! – скривил свой жабий рот гений.

Покидал посольство я уже в качестве Великого Дознавателя, и наш с Себастиной путь лежал в королевский дворец. Демоны докладывали, что за последние семь дней там творилось что-то неладное. Они внимательно следили и наконец смогли перехватить секретное послание, требовавшее моего пристального внимания.

– Это в высшей степени интересно.

– Рад, что мы смогли пригодиться, – угодливо ответил Симон.

Я в очередной раз перечитывал письмо, автор коего призывал принцессу Луанар как можно скорее тайно покинуть дворец во имя ее собственного блага. Послание не походило на угрозу или приказ, скорее на искреннюю заботу с обещанием надежного укрытия и достойного ее высочества обхождения. Удивительным было то, что автор имел глупость подписаться под своими словами: Ганзеко эл'Травиа.

– Достаточно для обвинения в измене, – прошипел демон, – и мы не одни, кто заметил путешествие этого послания по рукам слуг. Шерхарры тоже прознали, но мы выкрали конверт прямо у них из-под носа.

– Значит, у эл'Травиа при дворе есть свои шпионы. Экая шельма, а казался таким простым и прямолинейным… впрочем, он явно профан в нашем деле. Ставить свою подпись на подобных документах – все равно что подписывать свой же смертный приговор. Причины?

– Мы писали отчеты.

Ах да, действительно, об этом упоминалось. Собственно, семь дней назад Ганзеко эл'Травиа явился в гости к венценосному кузену и в очередной раз подпортил тому здоровье с подачи Рома. Со всеми этими выставочными делами и международной напряженностью король и так был на взводе, а после визита Мясного короля стал рвать и метать. Принцессе не повезло подвернуться под руку. Ташшары не знали, что происходило в кабинете Солермо, когда она попросила об аудиенции, слышали несколько фраз на повышенных тонах, исходивших от короля, а покидала кабинет брата Луанар уже в каком-то плачевном состоянии. Демоны не смогли определить, что вызвало ее недомогание, однако после этого принцесса перестала покидать свои покои.

Особо пристального внимания это событие заслуживало еще и потому, что каждый день Луанар навещала леди Адалинда. После смерти лейб-медика бруха ведала еще и вопросами здоровья королевского рода.

– Какая-то ерунда.

– Хозяин? – одновременно посмотрели на меня Себастина и Симон.

– Исходя из написанного, не остается сомнений – Мясной король винит в недомогании Луанар эл'Азарис ее брата. Но с какой стати?

– Из подслушанного среди слуг, – ответил демон, – нам стало известно, что это не первый раз, когда король в дурном настроении срывается на своей сестре, однако мы не знаем, в чем заключается этот «срыв» и почему он так влияет на нее.

– Вот именно. Король не владеет магией, а об особенностях его Голоса нам известно довольно давно. Каким же образом он может так плачевно влиять на Луанар, и только ли на нее? Или же все это просто малообоснованные домыслы?

– С вашего позволения, хозяин, принцесса выглядит такой хрупкой, будто может сломаться от слишком сильного сквозняка.

– Оставь, Себастина. Нам известно, что излияние гнева на другом живом существе бесследно не проходит, но только я могу нанести такой эмоциональный удар, чтобы моя жертва упала.

Попросив Адольфа поддать турбине пару, я погрузился в раздумья. Жара и духота Арбализеи начинали по-настоящему утомлять, но эти неудобства отходили на второй план, ибо в руках лежала маска Барона Шелебы, с которой надо было что-то делать.

Во дворце нас ждал доктор Зельмес Вильдзен, приглашенный заранее. Это светило мировой медицины приехало в Арадон на большую международную конференцию, приуроченную к выставке, и присутствовало на достопамятной презентации Инчиваля, с которой моего друга похитили.

Пожилой, но все еще красивый авиак-зимородок с голубовато-зеленым и ржаворыжим оперением почтительно снял шляпу при нашем появлении. Коротко выслушав меня, он подхватил саквояж и торопливо пошел следом, пока мы не попали к покоям ее высочества. Охранявшие дверь шерхарры этому визиту не обрадовались и путь загородили. Очень скоро появилась леди Адалинда в сопровождении своего бессменного кавалера, и дышала она неподдельным волнением.

– Тан Великий Дознаватель, что случилось?

– Я привел доктора, хочу точно знать, в каком состоянии ее высочество.

– Вот как? Но для этого вам стоило лишь обратиться ко мне!

– Со всем уважением, миледи, мы в Мескии предпочитаем иметь на руках заключения профессиональных целителей, а господин Вильдзен – один из лучших в известном мире.

– Но, тан, король поручил Луанар моим заботам…

– Миледи, со всем уважением к его величеству, я имею превосходящее право настаивать. Когда новый Император займет престол, ему понадобится императрица, а Луанар эл'Азарис готовили к этой великой роли с рождения, она – один из главных кандидатов, и через это ее самочувствие является моей первостепенной заботой. Я должен знать, что ее высочество вскоре оправится и что в будущем она станет матерью для здоровых и сильных наследников.

Если впереди маячили вопросы здоровья будущих владык мира, само понятие приватности переставало существовать, а вдобавок и могущество лорда-протектора заставляло с собой считаться. Нет, конечно, ведьма могла и воспротивиться, поднялся бы скандал, но я все равно достиг бы цели, и потому, даже сильно того не желая, она приказала тиграм освободить дорогу.

В спальных покоях принцессы было темно, но вместо удушливой влажности там царила нежная прохлада и свежесть. В подвесной курильнице что-то дымилось, а сама Луанар эл'Азарис почивала на своем ложе. Она не проснулась при вторжении чужаков, и следовало вести себя тихо, дабы так и оставалось. Пока авиак производил исследование организма своими заклинаниями, мы с ведьмой стояли в сторонке. Адалинда напрасно пыталась скрыть волнение, упрочняя меня в мысли, что что-то скверное творится вокруг принцессы и, возможно, эл'Травиа в чем-то был прав.

Маска Шелебы, спрятанная под плащом, жгла кожу сквозь слои одежды. Артефакт словно чувствовал близость той, кого должен был уничтожить, и требовал, чтобы я выполнил обещание, данное богу. Но спешить не стоило: не в том месте и не при тех обстоятельствах. Адалинда умрет не раньше, чем я узнаю, кто она такая и зачем присосалась к королю Арбализеи.

Зимородок кивнул мне и жестом предложил покинуть обитель принцессы.

– Ничего особо страшного, – заключил он снаружи, – диагностирую тепловой удар. Вещь неприятная, но в этих широтах – обыденная, как насморк. У больной наблюдается высокая температура, небольшие осложнения в работе организма, но условия содержания идеальные. Прохлада, тень, компрессы, позиционирование на боку, что было бы важно в случае рвоты. Думаю, скоро она оправится.

– Принцесса болеет уже седмицу.

– Правда? Это несколько нетипично для вашего вида, однако можно сделать поправку на особенности организма, она на удивление хрупка. В любом разе за ней хорошо следят,

а из наложенных чар я заметил лишь маленькое усыпляющее заклинание, что приемлемо. Сон ей на пользу.

– Хм.

– Могу ли еще чем-то послужить?

– Нет, благодарю. Вас вознаградят за хлопоты.

– Лучшее вознаграждение – право указать в резюме, что предоставлял услуги по доверительной рекомендации вашей светлости.

– Только без подробностей.

– Конфиденциальность превыше всего.

Зимородок поспешил откланяться, оставив нас перед покоями принцессы.

– Мой тан.

– Миледи.

– Возможно, есть еще что-то, что я могла бы сделать для вас?

– Был бы очень обязан, окажи вы мне еще одну маленькую услугу.

– Какую?

– Явите ваше лицо.

– С великой радостью, – она тихо рассмеялась, – как только вы явите моему взору ваше. Или же вы опять намерены прибегнуть к коронному аргументу, чтобы заставить слабую женщину повиноваться?

Бруха более не испытывала страха, а маска Шелебы так и жгла, требуя ее надеть.

– Я бы не посмел. Простите мне недостойное поведение, миледи. Себастина, идем!

Вернувшись в собственные покои, я приказал Симону исполнить сразу два поручения: направить во дворец гомункула для нового обмена личностями и передать Ивасаме приказ немедленно установить местоположение Ганзеко эл'Травиа.

– Я думала, что мы вернемся к обязанностям Великого Дознавателя, хозяин.

– Я тоже так думал, но планы меняются. Сегодня мы встретимся с главным скотопромышленником Арбализеи и вызовем его на откровенность.

Покинуть дворец в качестве Шадала эл'Харэна труда не составило, все это уже стало рутиной. А вот поиски эл'Травиа заняли время. Родич короля на месте не сидел, он управлял огромной финансовой империей, разъезжал по своим владениям близ столицы, контролировал многие процессы. Напав на след, агенты вели Мясного короля до самого вечера, заранее сообщив мне наиболее удобное место и время перехвата.

– Как думаешь, если я подарю Бели такую же яхту, она оттает?

– Вы дарите супруге боевые корабли, хозяин, не думаю, что яхта может ее впечатлить.

– Ты права, это понижение планки. К тому же в этот раз она действительно в бешенстве. Уверен, это накапливалось долгое время, прежде чем давление сорвало крышку котла, образно выражаясь.

Мы встретили Ганзеко эл'Травиа у сходней, по которым он покидал борт «Пеликана».

– Добрый вечер, монзеньор, желаю здравствовать.

– Какого дьявола ты забыл на моей земле?

– Заглянул поболтать.

– Если не уберешься сей же час, отправишься болтать с крабами на дне этой лагуны.

– А они мне что-нибудь поведают о бедственном положении Луанар эл'Азарис? – Я сделал крошечный шаг вперед, вопиюще нарушая личное пространство эл'Травиа и протягивая ему конверт с письмом. – Постарайтесь впредь не разбрасываться своей корреспонденцией, так ведь и обвиненным в измене можно стать. Ну так что, побеседуем и решим, как бы нам помочь друг другу?

Рядом с пристанью собрались работники порта. Они изначально не хотели пускать на остров незваных чужаков, но жетон тайной службы и мое благородное происхождение при-

нуждали к сдержанности. Теперь им нужно было лишь слово хозяина, чтобы швырнуть нас в море. Но этого не произошло.

Ганзеко эл'Травиа являлся крепким орешком. Свой смертный приговор он смял и безразлично отшвырнул прочь как мусор, после чего жестом пригласил следовать. Уверен, тысячи солдат с улыбкой пошли бы на смерть, веди их такой бесстрашный лидер. Казалось, будто Силана восполнила сомнительное достоинство его крови огромной харизмой и истинно тэнкрисским характером.

Мясной король Арбализеи жил недалеко от личного порта, на вершине скалистой гряды, переходившей в плато, укрытое апельсиновыми садами. Его дом не стремился к небу – приземистое, но широкое и просторное здание из камня и дерева, с соломенной крышей и традиционной арбализейской верандой. Двор, конюшня, кузница, пристройки для слуг и скота, амбары. Маленькая старинная гранха[1] заставляла верить, будто мы с Себастиной перенеслись на двести – триста лет назад.

К приезду хозяина уже накрывали на стол, и эл'Травиа неожиданно стал представлять нас своей семье. Женой его оказалась человеческая женщина в традиционном арбализейском платье, босоногая, загорелая и черновласая, с широкими бедрами и тяжелой грудью; лишь тонкие черты лица не позволяли верить, будто она простолюдинка. Дети в количестве пяти чернявых голов также были людьми. Во всяком случае – на вид.

Пережив обильный ужин, мы переместились в трофейный зал, уставленный чучелами животных и обвешанный оружием, где уединились за закрытыми дверьми. Эл'Травиа разлил по бокалам апельсиновое вино и отошел к окну.

– Итак, монзеньор, Великий Дознаватель желает знать все в деталях.

– Мне глубоко плевать, чего желает этот мескийский мужеложец в посеребренной маске. Я лучше поговорю с его цепной собакой, которая отважилась явиться на мой остров без приглашения.

– Я передам…

– Передай также, что я не боюсь этого клоуна, с которого под плащом явно пот градом катится. Пусть перестанет разыгрывать из себя опереточного злодея и позорно прятать рожу под маской. Честный тэнкрис лица не скрывает, даже если оно обезображено.

Разговор сразу двинулся куда-то не туда.

– Ваше письмо…

– В детстве Солермо был другим, счастливым и светлым. Я часто играл с ним и Луанар в дворцовых садах и точно знал, что, когда мы вырастем, буду с гордостью служить своему королю.

– Часто играли? Хм… сколько вам лет, монзеньор?

– Семьдесят два, разве не видно?

– А… м-да.

– Я знаю, какое впечатление произвожу, – ровно сказал он, – однако ни силой, ни достоинством, ни долголетием Силана меня не обделила.

– Что замечательно. Может, вернемся к главному? В детстве король был вашим другом, полагаю, со временем что-то пошло не так?

– Он стал сходить с ума, вот что! Я впервые заметил это, когда мы еще в подростках ходили, но позже, после коронации, все стало лишь хуже.

– Мы бы знали, взойди на престол сопредельной державы безумец.

– Засуньте себе эту самоуверенность туда, где прибоя не слышно. Никто не видел Солермо настоящего, кроме нас, знавших его с детства, кроме семьи.

– Можно точнее очертить круг лиц?

---

[1] Традиционная арбализейская ферма-плантация.

– Семья, – повторил он раздраженно. – Малышка Луанар, заботливый дядя Сигвес, старик эл'Рай и я. Фелирая тоже чувствовала, что с ее сыном что-то неладно, а вот отец ничего не замечал. Королю было достаточно и того, что наследник соответствовал всем критериям, пристальнее он не присматривался.

– Позвольте…

– Не смей меня перебивать! Я тебе тут душу изливаю, а ты мне в нее плюешь!

– Каюсь. Но мне ваши душевные муки неинтересны, пожалуйста, ближе к сути.

– Это и есть суть, сударь! – ощерился эл'Травиа. – Солермо – сумасшедший.

– Я видел короля вблизи…

– Как и многие другие! То, что он не бегает по городу нагишом и умеет внятно говорить, еще не значит, что он здоров! Арбализеей правит безумец!

– В чем же выражается его безумие?

Он набрал полную грудь, чтобы вновь что-то выкрикнуть, но не смог. Вмиг растеряв запал, Ганзеко эл'Травиа упал в кресло напротив и надолго умолк. Мое терпение в конце концов оказалось вознаграждено.

– Иногда, когда он впадал в бешенство, у него становился такой взгляд, что я… что мне было страшно. Я не побоюсь выйти на песок арены против черного быка, хотя именно такой поднял на рога моего отца, но когда Солермо бесится… с ним что-то происходит, будто из самой глубины вырываются терзающие душу демоны, и тогда…

– Монзеньор?

– Однажды он посмотрел на меня этим своим взглядом, и будто солнце свалилось с небес на голову. Я слег на месяц. Жар был страшный, я не мог нормально дышать, сердце сходило с ума, меня рвало. Иногда, когда он в бешенстве, Солермо срывается на Луанар.

– Только на ней?

– А на ком еще? Он умеет скрывать своих демонов, но лишь те, кто знает к нему подход, способны пробиться сквозь броню обмана и заставить его показать истинное лицо.

– И поэтому вы постоянно пытаетесь вывести безумца из себя?

– Я не пытаюсь вывести его из себя! – молниеносно рассвирепел сам эл'Травиа. – Мне за державу обидно! Он плодит долги быстрее, чем кролики – крольчат, и непонятно, куда уходит львиная доля денег! Эта выставка – просто монумент его тщеславия! Он отдалился даже от Луанар, да еще и срывается на ней! Теперь рядом с Солермо эта поганая бруха, плетущая интриги! Король и от меня мог бы отмахиваться, кабы не многомиллионный долг!..

– Я верю вам, монзеньор, но не вполне доверяю вашим суждениям.

– Это еще что значит?

– Вы можете искренне ошибаться.

– Или же искренне говорить правду!

После извержения гнева он затих, тяжело дыша, а я грел в руке бокал и обдумывал услышанное. Ганзеко эл'Травиа верил в свою правоту, но все это являлось его собственным оценочным суждением, не претендовавшим на объективность.

– Седмицу назад вы разъярили короля, и в тот же день принцесса занемогла. А еще мы знаем, что она находится в полной власти опасной личности, которая категорически не устраивает моего работодателя рядом с арбализейским троном. Тан Великий Дознаватель просит вас отныне не вмешиваться в дела политические и выражает благодарность за желание помочь ларийцу Джеку Рому в его беде. Спасибо за гостеприимство, у вас прекрасная семья и обильный дом, да благословит его Луна. – Я поднялся.

– И это все? Вот так возьмешь и уйдешь?

– А вы ожидали, что я немедля ринусь на доклад к Великому Дознавателю, после чего Имперра пойдет на штурм дворца, чтобы освободить всех хороших и казнить всех плохих?

– Я не идиот и не наивный ребенок, но ведь…

– Великий Дознаватель все обдумает и примет правильное решение, направленное на пользу союзу Мескии и Арбализеи. Вы принесли огромную пользу, монзеньор, и пролили свет на многие темные области. Пожалуйста, проводите меня, чтобы уход не выглядел побегом.

Вместе мы спустились к порту, где ждал паровой катер.

– Почему я чувствую себя предателем? – спросил этот храбрец, остерегаясь смотреть на меня снизу вверх. – Почему мне стыдно?

– Причин может быть много. Возможно, вы не верите мескийцам и, сотрудничая с нами, ощущаете себя так, как ощущаете. Возможно, вы не привыкли признавать свою несостоятельность хоть в чем-то и теперь, признав поражение на ниве незримой войны, чувствуете себя уязвленным. Возможно, вы тэнкрис действия, и необходимость выжидать заставляет вас ощущать некое бессилие…

– Ладно, хватит у меня в мозгу ковыряться! Довольно! Убирайся с моего острова и знай, что если еще раз заявишься без приглашения, я тебя убью!

– Надеюсь, что до этого не дойдет.

Все, что могло быть сказано, уже было сказано, однако я не спешил покидать пристань.

– Монзеньор, простите за откровенность, но, увидев вас впервые, я с трудом узнал сородича. Приглядевшись же, понял, что вы больше тэнкрис, чем многие сребroглазые таны, встречавшиеся на моем жизненном пути. Позвольте задать вам очень личный, но очень важный для меня вопрос.

Эл’Травиа дернул усом и скрестил руки на груди.

– Спасибо. Ваша милая супруга – человек, не так ли?

– Так.

– И вы любите ее?

– Больше чем море, солнце и дыхание жизни в этом теле.

– Но она человек, а вы – тэнкрис. Разве может быть, чтобы души таких разных существ, как мы и они, были связаны священными нитями, которые плетет Силана?

– Я ничего не знаю о священных нитях, зато я знаю, что дикие быки и домашние коровы неплохо вяжутся. Я знаю, что тэнкрисы не способны скрещиваться ни с одним разумным видом в мире, кроме людей, и что нет иных разумных, так похожих на нас, как люди. Поэтому, когда я встретил Розалию и понял, что люблю, передо мной не встало никакой дилеммы.

– А как же ваши дети? Они тэнкрисы?

– Мои дети – это мои дети. Больше ничто не имеет значения. Так считал мой дед, так считал мой отец, так посчитал и я, беря в жены человеческую женщину. В итоге лишь мы, эл’Травиа, стали единой плотью и кровью с народом Арбализеи, не думая о чистоте крови или чужом мнении. У меня есть острая гаффора, доставшаяся от предков, и неприлично толстый счет во многих банках мира, так что я могу делить эту жизнь с тем, с кем хочу.

Я кивнул его словам и своим мыслям.

– Спасибо. Пожалуйста, как можно быстрее перевезите куда-нибудь свое семейство и сами залягте на дно.

– Что?! Зачем это?!

– Родственники рода эл’Азарисов в последнее время приобрели дурную привычку погибать. Сначала лейб-медик, затем глава тайной службы. Позаботьтесь о своем будущем, монзеньор.

На обратной дороге, укачиваемый волнами, я перемешивал в голове варево мыслей.

– Все в порядке, хозяин? Вы долго молчите.

– Только ты и знаешь, что у меня на душе, не задавай глупых вопросов.

– Простите. Мы провели день с пользой? Это тоже глупый вопрос?

– О, мы очень хорошо провели этот день. Я уже некоторое время не подвергаю сомнению прочную связь между Адалиндой и технократами. Что их связывает – загадка, но они явно работают вместе. Ради чего?

– Трудно предположить, хозяин. Технократы выступают против магии.

– Верно. К тому же есть и другой вопрос, который намного важнее: насколько сам король осведомлен о действиях своей фаворитки? Что он знает? Чего он не знает? Ясно его мышление либо находится под гнетом чар? Что это за перепады настроения? Хм…

– Хозяин?

– Думаю, многое из того, что говорил эл'Травиа, имеет под собой основание. Я замечал, следя за поведением и эмоциями короля, что Солермо эл'Азарис словно еле заметно раздваивается. То он говорит от первого лица, то от третьего, то отвечает быстро и уверенно, то подбирает слова, будто боясь сказать что-то лишнее. Конечно, это гипотеза, но складывается впечатление, что в его голове уживается несколько личностей либо одна личность…

– На которую воздействуют извне?

– Возможно. Или это болезнь, недавно ставшая известной под именем «шизофрения». Боюсь представить, во что может вылиться правление монарха, больного ею. А между тем рядом с нестабильным Солермо трется бруха. Сегодня она очень волновалась, но, сохранив контроль нал Луанар, восторжествовала. Эх, не все спокойно в Арбализейском королевстве.

– Значит, мы должны устранить короля?

– В данной ситуации это стало бы прямой угрозой генеральному плану. В первую очередь мы обязаны найти подтверждения, что непросто, поскольку лейб-медик мертв давно и основательно.

– Мы могли бы привлечь тана эл'Румара.

– Он занят в проекте «Корпус смерти». К тому же останки так сильно пострадали, и прошло столько времени, что даже его Голосу не под силу с толком оживить такое. Сдается мне, Грюммель понимал, как нужно уничтожить свидетелей, чтобы они оставались немы после смерти. Он хорошо проинформирован о некоторых наших активах.

– В рядах Имперры крот?

– Кроты есть в любой тайной организации, их отсутствие статистически невозможно. Но здесь, скорее всего, иное. Тромгар эл'Румар не скрывал своего Голоса до вступления в Имперру, как и я, так что эта информация изначально находилась в свободном доступе и где-то сохранилась, несмотря на мои попытки ее изжить.

– В таком случае что нам теперь нужно делать, хозяин?

– Мы должны найти способ изолировать Адалинду, как следует допросить ее и отдать все-таки Барону Шелебе то, что ему причитается. Также нам необходима армия бухгалтеров, которая ринется проверять расход каждой потраченной на устроительство выставки купюры. Солермо занимал у нас, у своего брата и еще Силана ведает где, хотя мескийской ссуды более чем хватало. Зачем ему столько денег и куда они пошли? Улавливаешь ход моих мыслей?

– Поскольку мы знаем, что Арбализея тайно разрабатывала новые технологии…

– Именно. Солермо эл'Азарис создавал новое оружие, а Железное Братство его благополучно украло. Своей головой думал король при этом или за него думала Адалинда – критически важно. Что-то очень скверное творится в Арбализее, и мы должны это раскопать.

– А если король думал своей головой, хозяин?

Катер причалил, и Адольф весело помахал нам с пристани.

– Если так, Арбализею постигнет очень печальная судьба, после чего у нее появится королева.

– Королева, которая выйдет замуж за будущего Императора и присоединит Арбализею к Мескии.

– Себастина, фе! Меня ужасает, какие коварные планы ты вынашиваешь в своем мозгу!

– Хорошо сплавали, шеф?

– Отлично, Адольф! Домой! Хочу есть, спать, ванну, массаж, тумблер виски и немного женского тепла. К сожалению, мой источник женского тепла ушел в море, так что вези меня поскорее к моим двум тумблерам виски.

По пути в Орлеску меня разморило, и из «Гарриража» я выбирался не без посторонней помощи. Однако на том мои злоключения не закончились – ведь напротив особняка стоял стимер, двери которого открылись одновременно с нашими. Адольф оставил меня Себастине и двинулся навстречу двоим викарнам, ловко вертя меж пальцев Клементину.

– Они пришли с миром, друг мой, остынь! Форхаф, зеньора Сарави, вы ведь не причините зла моей драгоценной персоне?

– Даже в мыслях не имели.

– Славно! Давно ждете?

– Нет, не очень, – солгал тигр.

– Вас приглашали внутрь?

– Много раз, ваши слуги очень заботливы, но мы решили не вторгаться, пока хозяина нет дома.

– Что ж, окажите честь и выпейте чаю вместе со мной.

В малой трапезной Мелинда и Себастина расставили чайный сервиз. Адольф прислонился к стене рядом с дверью и следил за гостями, не выпуская из ловких пальцев ножа. Викарны явились не с пустыми лапами – внесли и поставили у стола большой плоский сверток, обтянутый бумагой и шпагатом.

– Прошу простить за этот вид, я весь день на ногах и немного утомился. Арбализейская жара вытапливает силы с неимоверной скоростью.

– Мы знаем, – кивнул Форхаф, – наши предки жили в снегах, а мы обитаем здесь. Сменится еще не одно поколение, прежде чем мы сможем акклиматизироваться.

– Сочувствую, сочувствую.

– Тан эл'Мориа, мы пришли, чтобы вручить вам подарок.

– Как мило!

– Он не от нас, а от нашего покойного господина. После вашей встречи, я думаю, к нему пришло вдохновение. Картина была готова в тот же день и удалена из оранжереи для сушки, а потом к ней делали раму. Со всей этой суетой мы лишь сегодня смогли выбрать время для передачи.

– И она послужила удобным поводом для визита. Чего вы хотите, Форхаф?

На этом вступление было окончено, и мы перешли к делу. Сарави от моей грубости прижала уши к голове, ее брат, по своему обыкновению, остался сдержан.

– Мы подумали и сочли, что наше сотрудничество пошло несколько неверным путем.

– Вы так сочли? А я счел, что в определенный момент вы просто плюнули на наши договоренности и решили, что сможете сами выследить и поймать Грюммеля, но ошиблись.

Сарави если и хотела что-то сказать, то едва заметное изменение в позе брата заставило тигрицу передумать. Никак она не учится держать себя в лапах.

– Мы действовали импульсивно и необдуманно, в чем раскаиваемся. Пожалуйста, примите искренние извинения от имени общины.

– За то, что вы действовали импульсивно, или за то, что опозорили память Хайрама эл'Рая?

Сарави зашипела, оскалила зубы, Адольф перехватил нож за лезвие и замер.

– Зачем вы таскаете зеньориту за собой, если знаете, что она не умеет себя вести?

– Не умеет, но должна учиться. К тому же вы сильно задели ее чувства.

– Если правда причиняет страдания, значит, что-то в жизни вы сделали не так.

– Может быть, объясните, как викарны опозорили память Хайрама эл'Рая?

Я позволил себе надменную усмешку.

– Объясню – всеми своими действиями. Как только старик умер, вы позабыли обо всем, чему он вас учил: быть верными слугами страны, всегда ставить ее интересы выше своих, чтить долг прежде всего иного. Вы решили упиться местью. Что бы он сказал, увидь, как бестолково его дети распорядились собой?

– Хотел бы я вам возразить, но не нахожу доводов.

Сарави кипела, Форхаф лишь скорбно опустил глаза.

– Но мы хотим исправиться, ради чего готовы покорно служить вам в вашем деле, не отвлекаясь на личные мотивы.

– Ах, вы наконец-то готовы? Сначала я хотел работать вместе с вами, но вы меня разочаровали. Больше викарны мне не нужны, я им не верю. Уходите. Если понадобитесь, позову, но если попытаетесь мешать, узнаете, что все великие империи мира схожи в одном – мы умеем быть жестокими в отношении определенных групп лиц. Спокойной ночи.

Тигр встал, вежливо попрощался, и они покинули особняк. Вот так.

– Какой короткий и бестолковый визит, – хмыкнул Дорэ, проводив гостей. – Может, надо было сразу их развернуть?

– Хозяину виднее. – Себастина заменила чай на виски.

– Может, ты и прав. Кошки наконец осознали, что так и остались чужаками на этой земле. Королю они не нужны, народу – тоже. За все время их жизни в Арбализее викарны существовали закрытой общиной, сплоченной вокруг одной личности. Стержень их бытия сломался, нового не появилось, и саблезубые почувствовали отторжение.

– Ты это предвидел, шеф?

– Мм, нет. Честно говоря, я обдумывал варианты устранения Форхафа или его перековки при помощи Голоса. Но вот даже у меня раз в экстаз случаются такие чудеса, когда проблемы решаются сами собой. Себастина, набери ванну. Адольф, распакуй подарок, пожалуйста.

Хайрам эл'Рай не владел чародейскими навыками, но рисовал отменно. Неудивительно – живопись являлась основой его Голоса.

– Хм, разве такое можно нарисовать за один день?

– Разные творцы и творят по-разному. У одних уходят годы, а иные в лихорадочном угаре справляются за часы.

– Хм, шеф, а кто это?

– Азэлиан, мифический герой. По преданию он был вождем одного из племен тэнкрисов после Раскола, когда мой народ беспризорно скитался по чужому миру. Однажды к его племени прибилась дева невероятной красы, которая очаровала всех, влюбила в себя и мужчин, и женщин, только вождь не поддался чарам. Его Голос позволял прозревать сквозь любую фальшь, и Азэлиан увидел в ней саму Темноту. Он взял копье и пронзил грудь прелестницы насквозь, а его сородичи, разъярившись, пронзили его спину множеством копий. Из тела Азэлиана потекла серебряная кровь, а из тела прекрасной девы – великая чернота. Раскрытая, она бежала прочь от тех, кого хотела соблазнить и увести в свое логово. Именно акт самопожертвования Азэлиана Хайрам эл'Рай решил запечатлеть, своего рода хрестоматийный образ самоотверженного лидера.

– А обязательно было рисовать его голым?

– Адольф, то были доисторические времена, одежды еще не придумали. Спокойной ночи.

– Спокойной, шеф. Ты, кстати, прости, что я с вами на остров не поплыл, но у меня от качки такая морская болезнь начинается, что заблевать могу целый пароход, не то что катер.

Я отмахнулся, допил виски и направился в ванную комнату.

Под воздействием теплой воды и умелых рук Себастины напряжение уходило и разум медленно готовился ко сну. Перед внутренним взором еще мелькали образы пережитого дня, начиная с самого утра и заканчивая этой дурацкой картиной. Думал ли я, что эл'Рай решил мне польстить? Нет, едва ли. Если бы не честность Форхафа, я решил бы, что все это ложь и викарны просто выдумали предлог для визита. Но нет, старик написал картину, и вот кошки ее мне принесли…

– Кошки.

– Хозяин?

– Кошки, Себастина, они принесли картину.

– Я знаю, хозяин.

– Себастина, когда мы впервые наведались в дом Лакроэна и застали его спящих любовников, кого ты видела?

– С моей стороны постели лежало две женщины, хозяин, человеческая и…

– Самка викарна, не так ли?

– Да, белая тигрица. Простите, тогда я не придала этому значения, но если помните, позже я сообщала…

– Она была викарном, мы уже знаем, что старик подложил под художника своего агента. Ну а та, что из людей, на кого она походила?

– Не знаю, хозяин. Она лежала на животе, я запомнила лишь, что она была не очень крупной, жилистой, бронзовая кожа, много шрамов, прямые черные волосы…

– Кажется, я понял, где, возможно, следует искать сердце Дракона Времени. Хватит плескаться, вытри меня поскорее!

В кабинете, под ворохом других бумаг, вскоре отыскалось досье на покойного Лакроэна. Позже я присовокупил к нему бумаги, в которых говорилось о судьбе имущества художника. На момент смерти он имел немало долгов, и львиную долю произведений из мастерской намеревались распродать, но пока что все личные вещи, включая картины, находились под арестом и хранились на одном из складов тайной службы.

Вскоре не успевший толком остыть «Гаррираз» мчался по ночным улицам Арадона. Тут и там еще виднелись следы прошедшего праздника, аборигены гуляли уже второй день, а гости столицы старались не отставать от них.

Жетон открыл путь на охраняемую территорию склада, после чего смотритель, сонный и растерянный, долго пытался найти нужный номер в картотеке. Но даже когда мы нашли нужный стеллаж с нужными ящиками, задержки себя не исчерпали. Картин оказалось слишком много, оказалось, что Лакроэн снимал еще одну комнату в том же доме, чтобы хранить их.

– Адольф, вскрывай пломбы, распаковывай, Аделина, растащи ящики, а вы, любезный, идите.

Распаковка шла так, что щепки летели, холсты выставлялись вдоль бесконечных стеллажей, и даже незавершенные картины, даже в тусклом свете ламп, восхищали.

– Шеф, а что мы вообще ищем?

– Женщину низкого происхождения со смуглой кожей и роскошными черными локонами.

Лакроэн мог писать что угодно, но особенно хорошо ему давались портреты и композиции с обнаженной натурой. Клирики хотели, чтобы он разрисовывал храмы ангельскими ликами, а содержатели борделей платили ему за мистически притягательные картины порока. Чего было не отнять у покойного – так это таланта.

– Шеф, кажется, это оно. То есть она.

Приблизившись к картине, я улыбнулся и похлопал Дорэ по плечу.

– Это она.

– Но какого дьявола?! Почему? – растерянно воскликнул он.

– Автор был развратником и писал свои произведения красками порока, а вместо кисти использовал… фигурально выражаясь. Пока богачи восхищались красотой его картин, Жан-Батист, словно в насмешку, искал натурщиков на дне жизни, самых осуждаемых и отторгаемых. Его прекрасные нимфы были списаны с куртизанок, херувимы – с беспризорных детей, свирепые воины – с убийц, демоны и злодеи – с наркоторговцев и так далее. Вторым же помимо живописи его настоящим талантом являлось умение похищать и продавать чужие тайны. Торговал он ими бойко, во все стороны, низменный образ жизни подразумевал очень высокие расходы.

– Шеф, я вообще ничего не понял.

– Хозяин говорит, что Лакроэн выбирал себе натурщиков из самых низов общества.

– И что?

– Не разочаровывай меня, Адольф. Разве ты не знаешь, что художники и их натурщики очень часто спят друг с другом? Для Лакроэна это вообще было едва ли не правилом. Когда мы впервые посетили его дом, он как раз закончил участие в свальном грехе с еще четырьмя разумными существами.

– М-м-мать, как же скучно я живу!

– Одним из них был его помощник по имени Флавио, кажется.

– Впрочем, не особенно-то и хотелось.

– Остальные три персоны – женщины. Одной из них наверняка являлась Фо, убийца, подосланная Луянь Чэном. Женщина-викарн наверняка служила покойному эл'Раю, так как *все* викарны служили старику. Третьей же я не разглядел тогда, заметил лишь, что у нее была смуглая кожа и великолепные черные локоны.

Мы внимательно посмотрели на холст.

– В Арбализее ее народ презирают, так что куда уж ниже.

– До чего же хороша, – хрипло выдавил Дорэ. – Так получается, этот придурок тащил в постель всех подряд и дотаскался до того, что переспал с собственной убийцей?

– Да, он потерял бдительность и позволил заинтересованным лицам окружить себя самого шпионами. Одна из любовниц умыкнула у него очень ценный предмет, который нужен всем, а потом другая, менее расторопная, запытала его до смерти.

– Достойная смерть для достойного человека. Значит, это она?

– Да, он писал с нее, он спал с ней, она имела доступ в его жилище и была неподалеку в день убийства. Я почти уверен, что это она украла камень, и мы должны найти ее как можно скорее. А еще… во мне крепчает одно очень плохое подозрение.

– Хозяин?

– Пора домой, нужно подготовиться к поездке в Рыжие Хвосты и поспать хотя бы час, я ведь тоже не железный.

Себастина подхватила и понесла за мной холст, на котором прекрасная чернокудрая цыганка так и продолжала исполнять танец пламенной страсти, беззвучно потрясая бубном.

Двадцать седьмой день от начала расследования

Иногда у меня случались приступы меланхолии, причиной коих, возможно, являлась потеря уверенности в себе. В былые годы я был очень самоуверенным, кичась мыслительными способностями, но с началом дегенерации оных самоуверенность куда-то делась. Теперь, не будучи способным решить очередную загадку, я невольно задумывался о том, что, возможно, прежний я справился бы лучше и быстрее. Именно такие мысли и досаждали мне во время исследования Лисьих Хвостов.

– Туча времени прошла, шеф, их здесь уже давно нет.

– Признаки насилия?

– Хм… нет, следы резни заметить легче, а скрыть труднее. Помнишь Хунджат?

– Рад бы забыть.

– Вот-вот. Отсюда бежали, но здесь не погибали. Намусорили, конечно, знатно, но и все на том. Морской ветер хорошенько причесал этот песчаник. А ты сам что-нибудь чуешь?

– Практически ничего. Обычно эмоциональный фон сохраняется около седмицы после исхода разумных существ из их долговременных жилищ; на месте массового кровопролития следы остаются месяцами. Здесь ничего нет.

Рыжие Хвосты считались частью Арадона лишь номинально. Эта территория и застроенной-то не была – несколько больших холмов на окраине столицы да складки местности промеж них.

Песчаник, пустынная растительность, ящерицы, змеи, скорпионы, никакой защиты от солнца или ветра. Цыган нигде и никогда особо не жаловали, но в Арбализейском королевстве эта нелюбовь имела особую силу и выражалась также в ограниченной зоне расселения. На улицах столицы они могли появляться лишь как актеры-попрошайки, и то лишь потому что их культура волей-неволей срослась с арбализейским колоритом, притягивавшим состоятельных иностранцев.

Мы объезжали Рыжие Хвосты с раннего утра, но за три часа так и не встретили ни единой живой души. Кроме собак. Многочисленные стоянки исчезли, и если бы не мусор, само их существование встало бы под вопрос. Всего седмицу назад цыгане еще были, а теперь вдруг совсем закончились. Удручающе.

Вновь забравшись на вершину холма, мы встали. Адольф начал осматриваться через бинокль, как уже делал не раз, а солнце продолжало набирать силу. Становилось так жарко, что мне казалось, будто этот зной был вплетен в потоки морского ветра и вместе с ним накатывал на землю. Затылок лоснился от пота.

– Опа, шеф, взгляни-ка.

Вдали, оставляя за собой пылевой шлейф, катился большой белый фургон с гербом священного Фатикурея на кузове.

– Адольф, мы сможем преследовать их, оставаясь незаметными?

– По этим лысым холмам? Едва ли. Но, видимо, попробовать придется, так?

Догнать фургон удалось не сразу, он изначально находился на приличном расстоянии и двигался в противоположную сторону, однако же мы преуспели на самой южной границе пустыря. Транспорт стоял на дороге близ развалин какого-то здания, окруженный солдатами храмовой стражи Фатикурея. Что-то происходило. При нашем приближении они вскинули карабины.

– Пожалуйста, не стреляйте! – Я осторожно высунулся из притормозившего стимера, держа руки на виду.

– Кто вы такие и по какому праву здесь находитесь? – громко вопросил офицер.

– Где «здесь», монзеньор? На пустыре? Я приехал нанять танцовщиц и музыкантов для увеселения! У моего брата завтра предсвадебное гуляние, последний день свободы, хочу, чтобы он повеселился напоследок, но по Рыжим Хвостам как ураган прошел! Вы не знаете, куда делись все цыгане?

– Богобоязненным душам перед свадьбой следует пойти в храм и попросить богиню о крепкой семье, а не грешить, мараясь о цыган в пьяном угаре! Езжайте прочь, пока…

Послышались крики, и из развалин к дороге вышли еще двое солдат, один тащил за шкирку мальчишку. Юный фукс пискляво рычал, шипел и выворачивался, но все впустую.

– Простите, пожалуй, мы действительно поедем! Благослови вас богиня за то, что чистите землю от этих вонючих бродяг!

Мы развернулись и отъехали на некоторое расстояние.

– Шеф, а перестрелять их всех никак? Ты же отлично делаешь в мясе дырки!

– Во-первых, я не был уверен, что это необходимо. Во-вторых, тринадцать стволов против двух наших; они уже целились, а нам надо было еще выхватить револьверы. Даже с учетом того, что Себастина очень охотно идет на сближение с врагом, тебя могли бы ранить.

– Ха! Повезло мне, что ты ценишь жизни своих людей.

– Незаменимых нет, но есть неповторимые, я давно это усвоил.

– Мы должны их опередить и устроить засаду, скорее жми на пар, я «веду» этих святых воителей, но могу потерять их эмоции, если отъедут слишком далеко.

Белый фургон углубился в территорию Чердачка, и преследование упростилось. Они не могли видеть нас, но я ощущал их перемещение в пространстве, а поскольку церковные воители несколько раз останавливались и маршрут их оказался предсказуем, мы смогли устроить засаду.

Самой подходящей показалась улица, многие здания которой были разрушены, а их обломки закрывали перекрестки – некуда свернуть, путь только по прямой. На втором этаже одного из относительно уцелевших домов я, проверив оба револьвера, свой и Адольфа, ждал.

– А может, меньше эпатажа, шеф? – спросил он.

– Иди вниз, к Себастине.

– Шеф, я чувствую себя ненужным. Ты стреляешь лучше меня, а Себастина лучше меня вырывает из живых существ позвоночники. Зачем я вообще нужен, напомни?

– Крутить баранку и радовать меня остроумными беседами. Себастина прекрасна во всем, но ей всегда не хватало остроумия.

Я перешагнул через подоконник и спрыгнул на крышу кузова проезжавшего внизу фургона. Стимер остановился, одна секунда на восстановление равновесия, еще одна – на более точное определение целей, а потом огонь из обоих стволов по сгусткам эмоций внизу. Всего их в кузове было двенадцать – одиннадцать сильных и один слабый. Я метил по сильным. Каждый солдат получил по пуле, и у меня даже осталась одна лишняя. В это же время Себастина вылезала из кабины с окровавленным тесаком в одной руке и кричавшим офицером – в другой. Водитель встречи с ней не пережил.

– Адольф, полезай в кузов и вытащи ребенка, он, должно быть, без сознания, пусть лучше не видит всей этой крови.

Моя горничная оттащила добычу от машины, оставляя в пыли кровавый след, присела над ней и стала сноровисто перевязывать офицеру культю.

– Пытался вытащить из кобуры пистолет?

– Да, хозяин.

– Вы заплатите за это!

– Все прошло на удивление гладко для такой сырой авантюры.

– У вас огромный опыт, хозяин.

– Безбожники! Вы ответите перед богиней и святыми…

Я присел и схватил его за горло, перенимая контроль над эмоциями. Говорят, что от любви до ненависти один шаг, но мне было точно известно, что еще меньше. Годы практики принесли пользу, я мог заставлять ненавидящих обожать, испуганных – доверять, а мятежных – склоняться. Прежде это было тяжело, а основательная перековка тяжела и сейчас, но внушить временные эмоции я мог сравнительно легко, особенно при прямом контакте.

Трудно таить секреты от того, кого ты обожаешь, так что спустя минуты этот человек, глядя на меня с дебелой улыбкой, самым ласковым голосом поведал обо всем, что знал. Его отправили в патрулирование, он должен был искать цыган, хватать их и везти в Фатикурей на допросы. Слуги святого престола разыскивали цыганку по имени Валеска, кою обязаны были схватить любой ценой.

– И ты не знаешь, от кого исходил приказ?

– Откуда-то сверху, полагаю, мне его передал вышестоящий офицер.

– Понятно. Это все?

– Все, – улыбнулся он, преданно глядя мне в глаза.

– Хм, ну что ж, спасибо, ты оказался немного полезен. Теперь возьми этот револьвер и выстрели себе в висок.

– Ради вас я готов на вс…

Двенадцатая пуля тоже принесла пользу: свидетели были нам совершенно не нужны.

– Что дальше, хозяин?

– Дальше? – Я оглянулся на фургон с трупами. – Надо убраться отсюда поскорее, где-то рядом рыщут и другие храмовники. Возьми лисенка ты.

Больше никого не встретив по пути, мы порядочно отъехали от места засады и загнали стимер в тень пустого проулка.

Ребенок просыпался, и я осторожно манипулировал его эмоциями, словно гладя по шерстке, – следовало внушить юному фуксу, что он в безопасности, что нам, его спасителям, следует доверять.

Фуксы, или вольпены, как их еще звали, издревле пользовались репутацией хитрецов и плутов. Мало где им удавалось ровно влиться в жизнь общества, так что и в Мескии, и в Арбализее, и в странах Севера этот народ либо вел кочевой образ жизни, либо селился в компактных автономиях. Лисы неплохо показывали себя в торговле и искусстве, но из-за древних стереотипов серьезных успехов вне диаспоры добивались редко. В Арбализее они являлись плоть от плоти частью цыганского народа и даже делили с ним один этнос.

– Приветствую, юноша, выспались?

Его уши встали торчком, мордочка пошла морщинами, лисенок пытался скалиться.

– Прошу, не нападайте на нас, мы не враги. – Свои слова я подкрепил аккуратным ментальным напором. Дети легковерны, малоспособны к критическому мышлению и нуждаются в защите, потому его оказалось легко убедить.

– Правда?

– Абсолютная. Нам пришлось спасать вас из лап церковников, юный друг. Как вы попались?

– Я… я выполз осмотреться. Я был в дозоре, но они заметили меня на развалинах старой винокурни.

– Понятно, значит, вы дозорный. Благородная и опасная миссия. Друг мой, мы ищем женщину по имени Валеска, она попала в большую беду, и многие опасные люди тоже хотят ее найти. И заточить. Мы пришли помочь, но не знаем, где она. Сможете нас провести?

– Она в безопасности, зеньор! – заявил он.

– Никто не в безопасности, пока нет тех, кто за него вступится. Укрывище – хорошо, охрана – еще лучше.

– Ее охраняют!

– Умелые солдаты с оружием, дирижаблями, армодромами и шагающими паровыми доспехами?

– Шагающими доспехами? – Его глаза округлились. – Железными великанами?! Как у черно-белых?!

– Точь-в-точь как у черно-белых. У меня есть такие.

– Врете! – заявил лисенок.

– Ни разу в жизни. У меня много солдат и оружия. Если хочешь, я попрошу принять тебя на обучение, чтобы ты тоже мог управлять таким доспехом.

– Честно?!

– Да. Правда, для этого тебе придется присягнуть Мескии и получить подданство, а потом долго учиться, чтобы стать компетентным военным офицером, но в итоге ты ока-

жешься пилотом шападо. Ну или я прикажу кому-нибудь прокатить тебя на броне, и ты даже сможешь покомандовать.

Он не понял и половины из сказанного, лишь то, что его покатают на железных великанах. И хотя эта мысль вызвала в душе ребенка приступ восторга, он все еще противился. Более глупому хватило бы и одной моей улыбки, чтобы начать болтать, но маленький лисенок обладал неожиданно сильной волей и очень не хотел выдавать свои секреты. Интересно.

– Послушайте, друг мой, времени в обрез, я должен либо вызвать своих людей сюда, чтобы обеспечить безопасность Валеске, либо убираться прочь, ведь вокруг полно врагов. Так как, вы поможете мне помочь вам спасти всех?

Удар оказался рассчитан верно, и стержень сопротивления сломался.

– Валеска предупредила всех, чтобы они скорее уходили из Хвостов, подальше от столицы, прятались. Люди из Лунного города стали рыскать по холмам, а потом и вовсе хватать нас. Те, кто не успел удрать или спрятаться, обратно не возвращались.

– Но вы успели.

– Да, зеньор. Дядя Бази́ль спрятал нас в одном тайном месте, только нас, несколько семей. Нам пришлось сжечь наши дома и многие вещи…

– Я дам вам новые дома, только, пожалуйста, отведи меня к Валеске. Это очень важно.

Он вздохнул, нерешительно опустил уши, но потом все же кивнул:

– Надо вернуться к старой винокурне, зеньор, за ней есть колодец, тоже очень старый. Из него я и вылез.

– М-м-мать, – тихо выдохнул Адольф.

Пока мы ехали обратно, огненно-рыжий лисенок со странным именем Кинемон рассказывал, что несколько семей из его родного табора спрятались под землей. Дядя Базиль знал много особых мест, где они с бабушкой Алисандрой хранили разные интересности, которые государство облагало несправедливо высоким налогом.

– Попасть туда можно только через колодец?

– Нет, зеньор, под землей есть много старых тоннелей, один выходит в грот прямо на морском берегу, через него мы и попали в подземелья, но это далеко, надо делать крюк. Через колодец намного быстрее.

Добравшись до границы Чердачка с Рыжими Хвостами, мы спрятали стимер на пустынных улицах и продолжали путь к старой винокурне пешком под палящим солнцем. За остатками некогда массивного здания действительно имелся каменный колодец с перекрытым решеткой горлом. Металл прутьев покрывала ржавчина, а замок давно пришел в негодность и не замыкался как положено.

– Храмовники работают неаккуратно, хозяин, плохо обучают солдат, те невнимательны.

– Может, им свет божий глаза затмевает? – хмыкнул Адольф, откидывая часть решетки на скрипучих петлях. – Ау!

Эхо получилось знатным.

– Эй, малой, там глубоко? Вода есть?

– Ага, и вода есть, и глубоко. Я вылез по цепи.

Колодезную цепь тоже покрывала ржа, но, по крайней мере, она выглядела надежной, толстой. Я попросил отвести ребенка в сторону на минутку, а сам склонился над колодезной тьмой.

– Симон, ты здесь?

– Я всегда рядом, хозяин. Вы могли бы приказать, и я сам убил бы тех людей. К чему вам мараться?

– Грязь – суть моего ремесла, если буду всегда ее перепоручать, забуду, кто я такой. Обыщи подземелья, найди самый удобный выход на поверхность и направь туда наши вооруженные отряды и транспорт для перевозки гражданских. Торопись.

– Повинуюсь.

Право слово, с годами я перестал понимать, как прежде обходился без ташшаров.

Колодец уходил в подземную пещеру с озером пресной воды. Она имела естественное происхождение, и тем большей удачей мог считаться карниз, тянувшийся вдоль одной из стенок. Лисенок спрыгнул на него, ловко раскачавшись, а мы смогли повторить полет в густом мраке лишь благодаря физической подготовке. Адольфу было труднее всех – человеческие глаза плохо видели в темноте, так что путь мы продолжили при свете магического циферблата моих часов.

В теле пещеры имелась дыра, через которую Кинемон вывел нас в кирпичный тоннель – отросток системы канализации Чердачка. Идти пришлось недолго и практически посуху. С тех пор как район наверху вымер, коллекторы подсохли, но запах и ратлинги остались. А еще в канализации теперь водились цыгане.

Наше появление породило волну страха, они не ожидали гостей и даже начали хвататься за оружие, так что пришлось распространить вокруг спокойствие и не дать беглецам убиться о нашу троицу.

Вольный народ, спустившись в подземелья, стал выглядеть как певчая птица, заточенная в каменном мешке, – весьма жалко. Им повезло найти убежище в одном из недостроенных проходов для обслуживающего персонала. В коллекторах было тесно и грязно, зато сопутствующие коммуникации вполне могли вместить несколько десятков разумных существ вместе с их скарбом и палатками.

– Мы пришли помочь вам, зеньоры, прошу, выслушайте, прежде чем…

– Прежде чем вы нас убьете или рассадите по клеткам? Кто вы такие? Вас сюда не звали!

Из-за спин крепких мужчин вышли двое – старая женщина-фукс и такой же немолодой человек. Она носила смешной чепец с прорезями для ушей и куталась в шаль, опираясь на трость и на локоть сопровождающего. Его я узнал сразу – «слиппой витеран», небритый, неопрятный, невысокий, но вполне зрячий.

– Кинемон, шельмец, зачем ты привел к нам чужаков? Совсем ума нет?

– Это добрые зеньоры, бабушка Алиса! Они пришли помочь нам!

– Так они тебе и сказали? – прошипел «витеран».

– Они спасли меня от белых плащей, дядя Базиль!

– Возможно, они заставили тебя в это верить…

– Довольно пустых слов! Я – эмиссар Мескийской империи, посланный за Валеской. В обмен на сотрудничество гарантирую всем вам жизнь, свободу и безопасность. Наверху рыщут слуги Фатикурея, и они бы запытали этого мальчика до смерти, чтобы узнать об этом укрывище. Контрабандист, – я указал на отшатнувшегося Базиля, – ты был с ней, когда храмовая стража поймала вас на севере Окарины больше месяца назад. Как тебе удалось вырваться?

– Я не говорю с законниками!

– А я не говорю с отребьем, но знаешь, иногда полезно отдыхать от своих принципов. Вы сидите здесь как крысы, дышите зловоньем, спите в грязи, и я вижу, как хворь начинает разбирать ваши тела. Первыми начнут умирать дети и старики, потом – остальные. Когда вы в последний раз видели солнечный свет? Когда дышали полной грудью? Когда ели что-то свежее? Вам надо выбираться отсюда, и я помогу в этом, но сначала дайте мне встретиться с Валеской.

Посеять семена сомнения и помочь им взойти, дабы расколоть единство противника, стравить его составные части промеж собой и править устроенным хаосом – главная стратегическая доктрина Мескии, которая продолжала верно служить. Среди цыган завязались скоротечные споры и обсуждения.

– Почему мы должны вам верить? – спросила лиса, подозрительно щурясь. – От благородных господ добра ждать не следует!

– Ваш выбор скуден – довериться мне или умереть здесь. Могу еще слово тэнкриса дать, хотя для вас оно значит не больше, чем слово цыгана для меня. Я не пытаюсь вас обмануть, я просто даю вам шанс. Можете еще посоветоваться, но торопитесь.

И они воспользовались данным временем.

– Я сначала подумал, что придется перерезать пару глоток, когда мы пришли, шеф, эти ребята на нервах.

– Хозяин заставил их успокоиться, чтобы избежать кровопролития. Он не желает спугнуть цель нашего визита.

– На месте этих горемык я бы прыгал от радости, что кому-то есть до меня дело, а они еще думают.

– Они не привыкли, чтобы с ними считались, Адольф, любое проявление заботы принимается в штыки как попытка обмана. Цыгане в Арбализее живут немногим лучше тех же ратлингов.

Наконец они приняли решение, о чем поведала старуха. Было похоже, что цыгане оберегали эту Валеску словно некое сокровище, она много значила для них, и даже перед очень мрачными перспективами они не желали отдавать ее просто так.

– Она встретится с вами, только если сама пожелает. Придется подождать, мы отправили к ней Кинемона.

– Значит, здесь ее нет.

– Нет. Мы не позволим никому схватить девочку, даже если нас самих поймают.

– Самоотверженно. Но вы ведь понимаете, что ни одна воля не выдержит пыток?

– Понимаем, понимаем, однако мы дадим ей время.

Лиса была искренна, и это вызывало во мне тревогу.

Время ожидания нас пригласили скоротать у переносной газовой горелки, над которой подрумянивались крысы. К счастью, этой живности округ тоже хватало, и есть ратлингов беглецам не приходилось. Дорэ не отказался от предложенного угощения и с хищным урчанием вгрызся в мясо, перемалывая его вместе с костями. Вокруг собрались люди и лисы с мизерными вкраплениями других разумных видов, мужчины, женщины и дети, все испуганные и настороженные.

– Какие планы на будущее вы строили, когда спускались под землю? – спросил я севшего напротив контрабандиста, который, видимо, думал, что присматривает за нами.

– Переждать и уйти.

– Вас предупредили об опасности.

– Валеска предупредила, и большинство успело удрать.

– Но не вы.

– Сама она не хотела уходить, а мы решили остаться рядом.

– К тому же, как бы далеко ваши фургоны ни укатились, вряд ли они успели бы выехать за пределы страны.

– Ушлыми трусами нас считаешь, чужак? – заворчала лиса Алиса.

– Разумными прагматиками, возможно.

– Еще хуже, – скривился Базиль. – Наши бежали не сушей, а морем. Каждый день через порт проходят сотни больших кораблей и тысячи мелких, там можно спрятаться, про-

ехать без учета, а кроме них есть у меня знакомцы, которые за звонкую монету доставят кого угодно куда угодно.

– Контрабандисты.

– Свободные торговцы.

– В любом случае я очень рад, что успел, пока вы все тут не перемерли от дизентерии или цинги.

Через толпу протиснулся взлохмаченный Кинемон и, тяжело дыша после бега, сказал, что Валеска встретится с тэнкрисом и только с ним.

– Пока меня нет, проследите за тем, чтобы они собрались. Я послал Симона за солдатами и транспортом.

– Неразумно удаляться в подземелья без охраны, хозяин.

– Опаснее нас здесь хищников нет, Себастина. Если на то пошло, опаснее нас вообще хищников нет. Постараюсь вернуться как можно скорее.

Позволив Кинемону схватить себя за руку, я отправился в путь по пахучим переходам канализации. Мальчишка уверенно петлял в темноте, иногда принюхиваясь и постоянно поторапливая меня.

– Здесь! Дальше не пойду, зеньор, Валеска сказала, чтобы вы были один. Подожду вон там.

– Я запомнил дорогу. Бегите обратно и собирайтесь, друг мой, скоро вы обретете новый дом.

Он не ушел сразу, а еще постоял рядом, подергивая ушами в сомнениях. Любопытный ребенок, интересный, с какой стороны на него ни взгляни. Крепкая воля, храброе сердце и наверняка острый ум – глупые лисы в природе не выживают.

– Ну беги.

Дождавшись, пока звук его шагов исчезнет во мраке, я двинулся вперед, и вскоре теснота исчезла. Большое помещение, ровный пол и множество колонн, поддерживавших низкий потолок. Стен в обозримом пространстве не ощущалось. Странное сооружение, зачем его построили здесь? Или я не понимаю, как должны быть устроены канализационные коммуникации?

Голос твердил, что рядом никого не было, я распалил его, но не смог ощутить даже цыганского лагеря, хотя не так уж далеко от него и отошел. Возможно, обилие материальных препятствий мешало? Прежде этот фактор значил довольно мало… Бубенчик робко звякнул в темноте, и вслед за тем проявилось «свечение» чужих эмоций.

– Валеска?

– Как ваше имя? – спросил шепоток.

– Шадал эл’Харэн. – Я повернулся к источнику эмоций.

– Это настоящее имя?

– Да.

Чуть погодя:

– Оно ваше?

Я улыбнулся.

– Лучше бы вы умели давать ответы так же хорошо, как задавать вопросы. Покажетесь?

Цыганка вышла из-за колонны и, тихо ступая босыми ногами, приблизилась. Яркие напоказ женщины этого народа преображались, возвращаясь к сородичам. Традиционное платье было очень целомудренным, вплоть до того что головной платок оставлял открытыми лишь глаза, даже звонких браслетов и сверкающих колец видно не было, лишь тонкая цепочка с бубенчиком покоилась на груди.

– Я ждала вас.

– Неужели?

– Да, потому и не сбежала. Мне было видение, что придет Сын Двух Матерей.

– То бишь я?

Она отвела взгляд прекрасных глаз и неуверенно пожала плечами:

– Никто кроме вас не пришел. Вы Сын Двух Матерей?

– Ну… в какой-то мере да.

– Значит, это вам.

Запустив тонкую руку под одну из юбок, она выудила оттуда кожаный шнурок, на котором болтался перстень с огромным бирюзовым камнем. У меня перехватило дыхание. Разумеется, я понимал, зачем иду, я готовился получить вожделенное – ключ для разгадки этой головоломки, то, ради чего великие силы сошлись в кровавом противостоянии… И все равно дыхание перехватило.

– Вы украли это из тайника в апартаментах художника, верно?

Ее эмоции проявили стыд и раскаяние, руки прижались к груди, взор пал долу.

– Пожалуйста, расскажите мне все. Это очень, очень важно.

Она шмыгнула носом, утерла несколько слезинок и кивнула.

История Валески началась далеко от Арадона и не имела значения, пока она не приехала в столицу. Эта цыганка была чужой здесь, но местные семьи приняли ее с распростертыми объятиями. Не только из-за красоты и божественного танцевального таланта, но и из уважения к редкому дару. Ее сочли ясновидящей, настоящей – не той, что за деньги предсказывает дуракам на ярмарках. Услышав об этом, я усомнился, но сама девушка верила в свои слова.

Ее жизнь среди арадонских цыган складывалась вполне сносно, Валеска танцевала, собирала милостыню, продавала мелкие предсказания, заводила знакомства. Одно из них и стало особенным.

– Он был очень веселым, бесшабашным и щедрым.

– Как вы познакомились?

– Мы… виделись много раз. Меня звали танцевать в разные заведения, и в некоторые, более-менее приличные, я шла. В те, где хозяин не мог походя продать меня какому-нибудь клиенту на ночь. Игорный дом Бенедикта Фуска был из таких.

– И там спускал деньги Жан-Батист Лакроэн.

– Среди прочих мест.

Художник сразу же заметил обворожительную танцовщицу и вскоре стал регулярно появляться рядом, не переставали звучать мягкие, но настойчивые уговоры стать его моделью, переходившие в льстивые мольбы или в обещания невиданных богатств. Она вежливо отказывалась, но Лакроэн был настойчив и обворожителен, – не выстояло девичье сердце, сдалось на милость распутника. Это стало еще одним событием, приведшим Валеску туда, где я ее нашел.

Как уже говорилось, у арбализейцев были непростые отношения с цыганами, а именно – жесткая сегрегация. Принося казне деньги, они все же не имели права жить во многих городах, а обитали в передвижных поселениях на окраинах. Обычно за тем, чтобы цыгане вовремя убирались восвояси, следили керубимы, но их служба из-за выставки и так еле выдерживала дополнительные обязанности. Помощь пришла откуда не ждали – из Фатикурея, и предложил ее видный иерарх зильбетантистской церкви Томаз эл’Мор.

Под его рукой находился недавно созданный Шестой полк храмовой стражи, а это почти три тысячи превосходно вооруженных фанатиков, прошедших через очень тяжелый курс тренировок. На время выставки именно храмовники стали присматривать за цыганами, а позже переняли у керубимов и некоторые иные обязанности пополам с правами.

Через некоторое время после того, как прекрасная Валеска увлеклась художником, ее нашли люди, служившие Фатикурею и ведавшие делами цыган. Несчастную схватили посреди бела дня и долго везли с мешком на голове.

– Это было страшное место, – содрогаясь, вспоминала она, – какая-то тюрьма, а из камер раздавались стоны и вопли…

– Это был дом скорби. Вы встретились с калекой, верно?

– Да, – почти неслышно прошептала она, – с тэнкрисом в колесном кресле. И с тем, вторым… убийцей.

– Вы говорите о монахе?

– Не знаю, что он был за монах, монзеньор, знаю только, что боюсь его.

– Продолжайте.

Томаз эл'Мор не таясь представился Валеске и сказал, что отныне она будет следить за художником для него. Почему? Зачем? Она не смела задавать вопросов, будучи напуганной до полусмерти, а тэнкрис и не собирался ничего объяснять. Он лишь сказал, что за неповиновение заплатят те, кто ей дорог, а потом и сама Валеска окажется взаперти, чтобы заживо сгнить в темнице.

– Чего именно калека хотел от тебя?

– Чтобы я продолжала быть рядом с Жаном-Батистом, монзеньор. Со временем я поняла, что он не просто художник, но и… сплетник. Покупал и продавал сплетни. Когда напивался, он бормотал во сне, а я… я должна была нести все, что узнавала, к этому страшному тэнкрису.

Насильно завербованная Валеска следила за Лакроэном и отчитывалась перед своим куратором – тэнкрисом в белом плаще с капюшоном. Также она по возможности обязана была читать письма любовника и прислушиваться к тем, с кем он разговаривал в ее присутствии. Церковников не интересовало что-то конкретное, они хотели знать расплывчатое «все», но так длилось лишь до тех пор, пока объект наблюдения не пробормотал во сне слова «тарцарская посылка». Едва услышав о ней, куратор дал понять, что отныне судьба Валески и прочих цыган зависела от того, сможет ли она раздобыть это.

– Они не знали, что это бриллиант?

– Нет, но они очень хотели получить его.

– Но не получили. Откуда взялась такая отвага, что ты посмела ослушаться?

– Из ненависти, зеньор, откуда же еще?

Инцидент произошел близ одного из столичных рынков. Несколько цыган показывали трюки с кнутами: сбивали ими бутылки с голов собратьев, гасили свечи, рассекали подброшенные яблоки. Один молодой зевака сунулся слишком близко, невзирая на предупреждения, и заработал тонкую царапину на щеке, – не будь хозяин кнута бдителен и умел, тот лишился бы глаза, а возможно, и самой жизни. Однако храмовники, возникшие словно из-под земли, не собирались ни в чем разбираться, они молча расстреляли пятерых людей и двоих фуксов прямо на улице, после чего не поленились отвезти их в Рыжие Хвосты с приказом избавиться от падали.

– Таких зверств керубимы не позволяли себе даже в самые темные для нас времена, а мне приходилось служить тем, кто творит такое. Помню, как обмывала тела своих друзей вместе с рыдавшими матерями, женами, сестрами… и думала, как же сильно я ненавижу всех этих… этих…

– И ты украла камень им назло.

– Да. Сначала предупредила своих, чтобы уходили, что грядет беда, а когда настало время, я успела забрать его с собой из потайного места. Жан-Батист думал, что никто не знает, глупенький. Выпивка и дурманы делали его неаккуратным и забывчивым. В тот день я тоже собиралась сбежать, но они нашли нас раньше.

– Недалеко от его дома, где ты танцевала, я был там.

– Были? Но откуда вы…

– Случайность. Почему ты не сбежала подальше, когда заполучила камень, почему осталась неподалеку?

– Мне нужно было на что-то жить, и мы постоянно давали выступления в Окарине, там нас почти не прогоняли. К тому же, если бы Жан-Батист заподозрил в воровстве именно меня, бросился бы искать в Рыжие Хвосты, а не в округе, что вообще не было обязательно. Через его дом многие проходили, Жан-Батист мог подумать на кого угодно.

– Значит, предрассудков насчет цыган у него тоже не было. Что за человека мы потеряли… Ты ведь знаешь, что его убили в тот же день?

Она не ответила сразу, пришлось побороться с накатившей волной боли.

– Да, я узнала, потом. У Жана-Батиста было много наушников, и когда его не стало, они пытались найти себе нового…

– Да. Кое-кто еще хотел заполучить этот камень, но у художника его не оказалось, и он умер.

Валеска вздрогнула и обхватила себя руками, бессильно опустив голову.

– Впрочем, он умер бы в любом случае, так что ты поступила правильно. Как смогла удрать от своего куратора?

– Страх придает сил. Они следили за мной, они хотели схватить меня, но я отбилась и смогла сбежать. Весь день я пряталась в трущобах вдоль каналов, хоронилась в подвалах и чужих садах. Ночью добралась до Чердачка и спустилась под землю.

Тяжелый перстень с едва заметно светившимся камнем лежал на моей ладони и источал покалывающий холодок. Эта крошечная вещь прошла путь длиной в вечность, она билась в груди бога задолго до появления моего народа, потом дремала в темноте доисторической могилы и хранилась в окружении дикарей, пока не попала в жадные руки пиратов. Сердце Дракона Времени, такое маленькое, такое незначительное и такое ценное. За него убивали, за него умирали, оно – ключ ко всему.

Чем дольше камень соприкасался с кожей, тем явственней становилось ощущение холода, и я вдруг понял, что пока слушал цыганку, почти перестал чувствовать кисть.

– Ты сохранила для меня сокровище, Валеска, чего хочешь взамен? Что я могу сделать для тебя?

– Пожалуйста, позаботьтесь об остальных. Я не хотела, чтобы они оставались со мной, но они так решили, и теперь… позаботьтесь о них, монзеньор.

– Я позабочусь обо всех вас.

– Нет. Хватит. Всякий, кто связывается со мной, оказывается в беде. Скорее возвращайтесь, им нужна помощь.

Я не успел даже протянуть руку, прежде чем она отступила и растворилась во мраке. То есть полностью. Я перестал видеть ее и ощущать эмоции.

– Да как такое возможно?! Валеска! Валеска, черт подери!

Тишь, темень, пустота. Исчезла. Кого нужно убить, чтобы научиться приходить и уходить так же?

Не видя никаких иных возможностей, я отправился в обратный путь по канализации и вскоре вновь смог ощутить источники эмоций. Много, много страха. Я побежал, оглушаемый эхом собственных шагов, и ворвался в облюбованный цыганами тоннель с револьвером руке.

– А вот и шеф вернулся! Ну, что я вам говорил, малахольные? Шеф всегда появляется вовремя!

– Что происходит, Адольф?

– Нашли нас храмовники, – ответил он, кивая на раненого цыгана, которого перевязывали женщины, – наткнулись на вход в подземелье из Чердачка, подстрелили вот этого храброго стража, он и припустил, оставляя кровавый след оттуда и досюда. Непонятно вообще, зачем было выставлять дозорных, если они только и делают, что демаскируют.

– Дилетантизм профанов неудивителен. Либо сегодня какой-то день нелепых совпадений, либо за нами следили.

– А не плевать ли, шеф? Сюда прет толпа вооруженных до зубов верунов, и у них есть гранады. Я отступил, оставив Себастину на передовой, уж не сочти за трусость. Во тьме подземелий она намного опаснее и живучее меня…

– Сволочи! – возопила за моей спиной старая Алисандра. – Это вы привели сюда убийц! Наводчики! Предатели!

– Молчать, женщина. Адольф, ты все сделал правильно, бери этих приблуд – и пусть мальчик покажет другой выход на поверхность. Защити их как сможешь, будем надеяться, что помощь придет вовремя и с нужной стороны.

– Мне бы самому пару гранад и пулеметный станок на колесиках, но, как всегда, обойдусь тем, что есть. А сам ты куда?

– За своей служанкой. На всякий случай возьми вот это.

Он принял из моих рук перстень и широко улыбнулся.

– Это он? Этот мелкий осколок окаменелого дерьма всем так нужен?

– Разумные существа бывают иррациональны, я уже смирился. Если меня все же пронзит пуля истинной веры, пусть этот трофей не достанется врагу. Передашь Герберту, он знает, что с этим делать.

– Защищу собственной жизнью, шеф.

– Надеюсь, до этого не дойдет.

И как до этого дошло? Только что я тихо торжествовал, заполучив сердце, которое не только являлось козырем в большой игре, но было еще и моей частью сделки с Эдвардом Д. Аволиком. Самой важной сделки в жизни и даже немножко за гранью оной. А теперь я несся в зловонном мраке на звуки стрельбы и крики храмовников. Да еще и Симон не отзывался. Неужели до сих пор не вернулся с задания?

Себастина встретила меня загодя, почувствовала приближение хозяина и поспешила навстречу.

– Силана всевеликая, ты что, начала собирать трофеи?

– Это печень, хозяин, я подумала, вам стоит обмазать открытые участки тела, враг ведет с собой утрогов.

– Сделаю вид, что не догадываюсь, где ты ее взяла. Нам следует поторапливаться.

Покрытый запекающейся кровью, я отправился в темноту. У врага было численное преимущество и лучшее вооружение, но наибольшее неудобство грозили причинить утроги – существа, обретшие невероятное чутье, эволюционируя в подземельях. Решено было применить тактику «бей и беги».

Мы внезапно нападали из темноты, устраняли одного-двух врагов и ускользали обратно, едва успевая спрятаться от пуль. Себастина действовала более дерзко, нежели я, и несколько раз была ранена, но зато с главной задачей справилась – перебила утрогов-ищеек, без которых храмовники совсем «ослепли». В итоге за четверть часа мы устранили почти два десятка солдат; грохот от выстрелов и взрывов стоял такой, что своды тряслись, а рикошеты к тому же сре́зали еще пяток невезучих. После этого храмовники решили отступить.

– Это триумф, достойный Стузиана, хозяин.

– Доверюсь твоему мнению. Я пробовал звать Симона, но зря. А Голос оказался бесполезен против них.

– Храмовую стражу сопровождали Безголосые, хозяин, один чуть не отсек мне голову своей гаффорой.

– Чертово семя! Почему наши не умеют бесконтактно отнимать Голоса?

– Возможно, потому, что наши Безголосые – смиренные монахи, а зильбетантистские еретики превратили своих в религиозных воителей? – пожала она плечами.

Мы вернулись в цыганский тоннель, а оттуда ринулись по следу из желтых потеков страха, разлитых в воздухе. Пока мы не покинули кирпичных тоннелей и не углубились в толщи песчаниковые, пока не потянуло водорослями и морской солью, я еще сомневался, но потом стало ясно – мы шли на северо-восток, к морю.

– Проклятье!

– Хозяин?

Я резко остановился, и моя горничная последовала примеру.

– Что-то пошло не так. Ты не чувствуешь их страх? Их боль? Впереди творится нечто плохое… сюда кто-то идет.

Несколько источников эмоций приближались по тоннелю в темноте, и когда я попытался подчинить их, наткнулся на непонятную ментальную преграду.

– Это Железное Братство. Не сдерживайся.

Себастина послушно кивнула, выбросила свои тесаки и от души хрустко потянулась. Ее изгвазданная в крови одежда разошлась по швам от полезших из-под ткани пластин костяной брони и шипов, крохотные рудиментарные рожки, которые она скрывала под челкой, превратились в мощные рога, появился длинный сегментарный хвост. Себастина прыгнула на стену, проворной ящерицей поползла вперед, перелезла на потолок и притаилась там.

Семеро, оснащенные линзами ночного зрения, продвигались по тоннелю. Когда Себастина спрыгнула с потолка, эти накачанные ихором убийцы-смертники ничего не смогли – моя горничная крутилась вокруг своей оси как ураган ударов, от которого на стены летели брызги люминесцентной крови. На этот раз мы знали, что противостояло нам, и были готовы применять соразмерную силу.

Тоннель вывел в конец длинного соляного грота, где теперь пахло не только морем, но и кровью, растекавшейся по соляным пластам. Немногих выживших цыган отогнали к стене и держали под дулами пулеметов. Похоже, при попытке выйти на побережье они наткнулись на отряд технократов, то ли засевший в засаде, то ли двигавшийся навстречу.

– За нами следили.

– Маловероятно, хозяин, мы бы заметили. Возможно, совпадение.

– Нет. Нагрянувшие одновременно с нами храмовники могут быть и совпадением, но не вместе с технократами на закорках. За нами следили… там что-то происходит.

В стороне от других пленных на ложе из красной соли разлегся Дорэ. Его подстрелили несколько раз и, судя по всему, сломали пару конечностей. Рядом валялось еще несколько трупов – солдаты Братства, – из груди одного торчала рукоять Клементины. Мой офицер не растерялся и успел показать, как сурово он скроен, даже когда против него вышли смертники на божественном стимуляторе. Адольф еще дышал и даже говорил с нависавшими над ним террористами: Оскаром Дельфлером, Карлом Нойнером и самим вдохновителем всей социал-технократической идеологии – стальным пророком Грюммелем.

– Мы и так потеряли слишком много времени, – басил последний. – Оскар, разведывательная группа еще не вернулась?

– Нет, лидер, – отозвался Саламандра.

– Выкормыш Великого Дознавателя еще там, в подземельях. Он всюду таскает за собой бабу и этого пса. Возможно, они встретились.

– С нашими бойцами этой парочке не сладить, лидер, – поделился своим мнением Карл Нойнер по кличке Угорь.

– Не будь так самоуверен. В логове контрабандиста мы утратили эффект неожиданности, а тэнкрис каким-то образом выжил. Теперь он будет более осторожен и лучше подготовлен. К тому же никогда не смейте забывать, что у этих тварей есть их проклятые Голоса. Подготовьте людей для похода вглубь, лишних пленных уничтожить, а этого пса перенести на катер и оказать первую помощь, он может что-то знать о камне.

– Если бы знал, уже сказал бы. – Угорь протянул к Адольфу один из своих телескопических жезлов, подсоединенных к ранцевому генератору, и ударил разрядом тока.

– Паршивые ублюдки! – взревел Дорэ. – Вы все там подохнете! Эти подземелья станут вашей криптой! Он перережет вам глотки! Каждому! Тьма – его родная сестра, вы даже не поймете…

– Хватит брехать, пес, – приказал Грюммель.

– Твой отец был псом, паскуда! Сказать, кем была твоя матушка?!

– Хватит, – повторил он, наливаясь тихим гневом. – Довольно уже. Ты выбрал жизнь собаки, повинующейся приказам тэнкриса, предал свой вид, право гордо зваться человеком, а потому ты умрешь как пес. Но прежде с тобой поработает Штейнер, и поверь, каким бы стойким ныне ты ни был, перед смертью будешь скулить как щенок. Унесите уже этого предателя!

Мы полностью спрятались за бугристым соляным столбом, из-за которого прежде удалось осмотреться.

– Они собираются идти сюда, хозяин, наши действия?

– Убьем их. – Я аккуратно положил на пол трость, кобуру с револьвером, ножи, снял и спрятал среди соляных наростов запонки, жетон, часы.

– Всех?

– Кроме Грюммеля. Ему сломаем руки и ноги, а потом я проведу допрос с пристрастием, и посмотрим, кто в итоге будет скулить как щенок.

– А что цыгане?

– Первостепенная задача – захват Грюммеля и спасение Адольфа. Я сокращу количество солдат, их там всего сколько, полсотни? Второстепенная задача – защита пленных. По возможности не дай их убить. Действуем.

Сначала я потянулся к цыганам и наделил их апатичным спокойствием, дабы в скором будущем они не потеряли разум от ужаса. Затем началась трансформация. Чем быстрее проходил ее процесс, тем яростнее меня пожирала боль, но времени было в обрез, и я прошел сквозь маленькую мучильню, чтобы скорее восстать в иной ипостаси – огромной черной твари о восьми членистых ногах, с глазами на когтистых ладонях и пастью, полной паутины и яда. А потом я взревел и двинулся вперед, заставляя грот дрожать.

Грюммель вышел из ступора первым и стал раздавать команды – отовсюду полился огонь. Черный «хитин» моей шкуры принимал пулеметные очереди за щекотку, каменные тела врагов трещали в моих пальцах, распадались под ударами когтей; солдаты суетились вокруг, не понимая, что делать с невиданным противником. Уже не такие грозные тараканы. И все-таки они не помышляли о бегстве, как поступили бы разумные существа. Пользуясь фатализмом смертников, я выплевывал паутину, подтягивал их к себе и перекусывал пополам, впрыскивал хелицерами яд, растворявший потроха, разрывал на части, ломал и расшвыривал.

Пока все внимание было приковано ко мне, Себастина юркой ящеркой проползла по стене туда, где валялись в полуобмороке пленники, и спрыгнула на поливавших меня свинцом пулеметчиков, одного пронзила хвостом, другому снесла голову, третьего насадила на рог. Заметив это, я бросил играть с мелюзгой и, расшвыривая ее, двинулся к настоящей добыче. На защиту Грюммеля стали его элитные офицеры, Угорь ударил шаровой молнией,

а Саламандра окатил волной горящего газа. Я смел их и оказался один на один со стальным пророком.

– Я буду потрошить твой мозг часами.

– Говорящее чудовище, – пробасил он, не выказывая никаких признаков страха, – любопытно. Она не предупреждала меня, что здесь водится такое. Кто ты?

Вместо ответа я плюнул паутиной ему в грудь, но Грюммель ухватил ее конец, меж пальцев вспыхнул свет – и паутина сгорела. Вещество, которое производили железы в моей пасти, могло выдержать нагрев доменной печи и вымачивание в тсарской водке, но стальному пророку было на это плевать, он просто превратил ее в ничто.

Освободившись, Грюммель выставил руки перед собой, и его ладони так полыхнули, что мне пришлось сжать кулаки, дабы не ослепнуть. Вместе с тем я впервые ощутил настоящий жар, почувствовал, как мой непробиваемый панцирь раскаляется, покрываясь пузырями, а внутри все начинает шкварчать. Размахнувшись, я ударил, но враг успел переместиться.

Семь лет назад, получив свою Маску, я еще мог использовать Голос в обличье монстра, но со временем эта возможность исчезла. Голос и Маска являлись дарами от двух разных матерей и исключали друг друга, так что теперь я действительно оказался слеп, мои глаза не могли вынести этого света, а уснувший Голос не мог помочь в определении местоположения Грюммеля.

Внезапно я понял, что надо метить правее, потом еще правее, а затем я начал наступать. Себастина все еще могла видеть и неосязаемыми толчками направляла меня на врага через нашу ментальную связь. Нестерпимый жар плавил панцирь как воск, боль пульсировала в темноте, но я молотил руками, отчаянно пытаясь достать верткого сукина сына, и в конце концов попал.

Наконец-то глаза открылись.

Расплавленный песчаник, туман от испарившейся морской воды, ужасный жар и черные пятна там, где прежде лежали убитые мною враги. Испепеляющий свет даже мою Маску не пощадил, и хотя в этой форме я восстанавливался с огромной скоростью, все равно было больно. Если бы не Себастина, он вполне мог убить меня, а вместо этого… к счастью, технократ оказался не только на редкость крупной особью человека, но еще и на редкость прочной, он отделался несколькими сломанными костями.

– Ты готов ответить за свои преступления?

– Когда я достигну цели, никто не сможет меня осудить, тварь! Никто не сможет даже поднять глаза, когда я воссияю на небесах подобно солнечному диску…

– Что за бред?

– Я не брежу, а тяну время.

Смутные силуэты возникли в клубах пара на фоне лившегося снаружи света и оформились в виде Адалинды, ее кавалера и нескольких членов Братства. Дельфлер и Нойнер смогли сбежать и привести подмогу. Жаль, я думал, они тоже испарились.

– Леди Адалинда. По законам Арбализеи за предательство тебя привяжут к кресту вверх ногами, вскроют шейные вены и будут бить в живот, пока не вытечет вся кровь, а потом труп четвертуют, сожгут и развеют над морем. Я с удовольствием на это посмотрю.

– И сама в нетерпении жду этого захватывающего действа, – с улыбкой в голосе ответила бруха, глядя на мое чудовищное воплощение, – однако потеха ждет, пока не завершены дела. Грюммель, тебе не очень больно?

– Хватит любезничать с чудовищем! – взревел он. – Убей его и забери меня отсюда!

– Не все сразу, дорогой. Ты нашел сердце?

– Его нет! Мы ничего не успели! Эта цыганская шлюха так и не показалась!

– Ах, – разочарованно выдохнула женщина, – как же это утомительно. Я ведь тебе все разжевала, в рот положила, правильное место указала, осталось только прийти и проглотить, но ты и этого не смог!

– Не смей так со мной разговаривать! Я шел сюда, чтобы перебить горстку отщепенцев и забрать сердце, а не биться с этой тварью без поддержки! Это ты меня привела! Это твоя некомпетентность!

– О, Ненасытная Мать, – вздохнула ведьма, – и так всегда! У слабого мужа жена в опале! Что ж, такова моя доля.

Адалинда взмахнула рукой, и меня словно на полной скорости сбил локус, а потом еще и незримый пресс придавил так, что я едва мог шевелиться.

– Хм, такой большой и сильный паучок, но такой беззащитный, даже элементарного блока выставить не смог. Странно, в твоей семье все имели большой дар к колдовству. Чего встали, олухи, уносите лидера! Сюда направляются мескийские солдаты, и их много!

Телохранители стального пророка бросились помогать ему, а Себастина, дотоле прятавшаяся в густом мраке, метнулась к ведьме. На миг я поверил, что она сможет нанести свой коронный удар, переламывающий хребет, но именно этого мига хватило кавалеру, чтобы возникнуть на пути дракулины и ударить ее с силой осадной мортиры прямо в лицо. Бедняжку отшвырнуло прочь, мой череп будто треснул, и все стало меркнуть.

Кажется, чары спали, но я уже не мог этим воспользоваться, так что бруха приблизилась смело.

– А ведь все только начинается, – прошептала она, – ты даже не представляешь, какие у меня планы на твой счет.

– Я знаю… что ты такое…

– А я знаю, кто ты такой, Бриан, – ласково ответила она, – только это не суть важно. В конечном счете ничто не имеет значения, ибо Ненасытная уже все предопределила. Пожалуйста, найди это проклятое сердце поскорее, потому что я устала от этой жары, этого платья, этого напыщенного индюка. Я устала.

Она вернулась к своим подельникам, которые хотели знать, что со мной, мертв ли я, а если нет, то почему она меня не добила, но бруха, словно строгая учительница, указала детям направление и приказала пошевеливаться. Они подчинились.

Чего бы Адалинда ни сотворила, это лишило меня всех сил и сделало беззащитным. Маска сама собой стала «сползать», и, пребывая в неполном сознании, неспособный шевелиться, я медленно претерпевал обратную трансформацию.

Прошло время, прежде чем рядом из тени появился Симон.

– Хозяин.

– Где ты был? – прошипел я.

– Простите, хозяин. Я отправился за помощью, но не смог найти обратной дороги. Я не чувствовал вас, не мог точно указать путь, блуждал в тенях, пока это безумие не прекратилось. Я не знаю, что произошло.

Зато я, кажется, знал.

– Приведи сюда всех, торопись, времени совсем нет.

Уже вскоре грот заполнили солдаты Имперры и Жнецы. Нас с Себастиной, нагих и грязных, укутали в одеяла и вынесли наружу. Моя горничная была без сознания, но жива, чего нельзя было сказать об Адольфе.

Пытаясь сглотнуть подкативший к горлу ком, я смотрел на его опаленное, местами обугленное тело. Испепеляющие лучи Грюммеля лишь задели моего офицера, но этого хватило, чтобы отнять жизнь. Не знаю, что больше мучило меня, боль утраты почти что друга или досада от потери блестящего служащего, который мог принести еще так много пользы.

– Надеюсь, твой глупый бог оценит все твои подвиги, – тихо, так, чтобы не слышал больше никто, произнес я. – Отправьте тело полковника Дорэ в Мескию для торжественных похорон, ему уготовано занять место в крипте Безымянных Героев.

– Со всем уважением, митан, это не вам решать, а Великому Дознавателю, – позволил себе заметить один из Жнецов.

– Младший дознаватель Брейкен, ради своего собственного блага, пожалуйста, не поправляйте меня больше. Уничтожу.

Я отправил на поиски перстня несколько отрядов с приказом проверить каждую щель, а также попросил одного из магов поддержки немедленно связаться со свитой Великого Дознавателя во дворце и передать им сведения о подтвердившемся предательстве Адалинды. Будучи раскрытыми, технократы могли пойти ва-банк и учудить что-нибудь эпатажное, например, покуситься на жизнь короля или принцессы. К тому же я не верил, что одна лишь Адалинда являлась засланным агентом Железного Братства, у нее должны иметься союзники при дворе.

– Митан, – один из солдат приблизился, неся на руках Кинемона, – этот ребенок все еще жив, мы нашли его под другими телами, что прикажете?

– Кто-нибудь еще выжил?

Отрицательное покачивание головой.

– Надо же, а малыш-то действительно особенный. Обеспечьте ему лучший уход целителей, а когда оправится, предложите мескийское подданство. Если согласится, начнет обучение в Схоллум Имперрус, а если откажется – дайте золота, не скупясь, и отпустите на все четыре стороны. Остальные трупы по возможности тщательно обыскать, а после – утилизировать; зону проведения поисков оцепить и до особого распоряжения никого не пускать. Никого.

Подходящей одежды взять оказалось негде, так что магам пришлось укрыть мое тело слоем темной псевдоматерии, чтобы под плащом дознавателя я не был нагим. Лишних вопросов не задавал никто, им хватало понимания того, что старший офицер побывал в тяжелом бою, а в таких чего только не бывает. Забрав из грота личные вещи, я приказал как можно быстрее доставить нас с Себастиной во дворец на бронестимере.

Обитель королей встречала, как уже случалось прежде, суматохой и повышенной боеготовностью, причина которой вскоре стала ясна.

– Ее нет, – доложил Симон, пока я облачался в покоях Великого Дознавателя, – принцесса исчезла. Стражники ничего не знают, Адалинду не видели во дворце со вчерашнего дня.

– Это значит, что ведьма либо предвидела исход экспедиции в Хвосты, либо успела вернуться во дворец раньше нас и похитить Луанар эл’Азарис. Она могла использовать ваши пути?

– Только истинные дети Темноты могут ходить в тенях, да и то не все: ташшары, жешзулы, альмари и удимы. Но последние уже вымерли.

– А черноусты? Они могут?

– Черноусты? – Его костистая морда каким-то образом приняла задумчивое выражение. – Никто кроме них не знает, на что они способны, хозяин, но никто и никогда не встречал их в тенях. Простите, я бесполезен.

– Годы безукоризненного служения перечеркнуты, так и есть. Но по твоей ли вине – это еще предстоит узнать. Останься здесь и охраняй Себастину, пока она не придет в себя. Ей очень сильно досталось.

– Еще кое-что, хозяин, я забыл доложить, что во дворце викарны.

– И что им надо?

– Кажется, они берут реванш.

Меня тряхнуло от раздражения.

– С этого следовало начинать.

Когда мои люди во дворце подняли тревогу и ринулись проверять покои принцессы, преодолевая сопротивление королевских телохранителей, начался небольшой скандал. Самому монарху пришлось вмешаться, после чего факт похищения был официально подтвержден. Дворец взорвался переполохом, все ринулись искать Луанар, будто в этом был какой-то смысл, и на волне всего того безобразия явились викарны. Они быстро переняли инициативу и создали какое-то подобие порядка, после чего незамедлительно начали готовить поисковые мероприятия по линии тайной службы. Все это время исполняющий обязанности главы Шадал эл'Харэн пропадал невесть где, а его покровитель Бриан эл'Мориа не покидал своих покоев.

– Охрана и изучение места преступления уже поручены им, хозяин, также они ведут обыск в покоях Адалинды и допрашивают придворных. Наших людей от всего удалили и приказали держаться в стороне. Кажется, король зол на вас.

– Полная задница.

Королевская аудиенция была одним сплошным кошмаром, который начался с запаха вина. Солермо эл'Азарис успел залить пламя ярости, пылавшее внутри, несколькими бутылками крепчайшего вина и только разжег его ярче. А рядом с троном, спрятав лапы за спиной, стоял молчаливый Форхаф.

– Король доверил вам безопасность страны… – ярился король.

– И ваша страна до сих пор существует.

– Какое достижение! Как мы обходились без вас все предыдущие века?! А еще король доверил вам безопасность его семьи, жаль, что вы не справились так же хорошо, как со страной!

– Я оберегал ее всеми силами.

– Принцесса Луанар похищена!

А Хайрам эл'Рай мертв, как и Сигвес эл'Тильбор. Похоже, из всех королевских родственников в живых остался один Ганзеко эл'Травиа, да и тот лишь потому, что держался от двора подальше и не доверял ведьме. Причиной всех бед Солермо эл'Азариса был сам Солермо эл'Азарис, пригревший на груди змею и категорически не желавший понимать ее опасность. Я хотел бы сказать ему это в лицо, но не мог так унизить другого тэнкриса на глазах у низкорожденного.

– Я прибегну ко всем своим возможностям, чтобы в кратчайшие сроки отыскать ее и вернуть в целости.

– Вы даже своего ученого отыскать не можете! А ведь он для вас гораздо ценнее Луанар! С чего бы королю вам верить?

– Король напрасно обвиняет меня в бессилии, Имперра работает. Сегодня мой протеже встретился с человеком, известным как стальной пророк Грюммель. Тот был бы схвачен и уже проходил бы через процесс дознания, кабы не подоспела ваша бывшая фаворитка. Тан эл'Харэн едва не погиб, служа вашей короне.

Форхаф, услышав имя кровника, впервые испытал яркие эмоции. Король же демонстрировал облако мутных клякс страха, сомнений и гнева. Опьянение искажало его эмоциональный фон для моего восприятия, но по лицу было видно, что Солермо перебирал в голове тяжелые мысли.

– Можете идти, – наконец молвил он, не открывая слезящихся глаз.

– Конечно могу. – Я лишь в самом конце мазнул по картине этой безобразной беседы легким напоминанием, кто здесь правитель Мескийской империи, а кто – всего лишь мелкий королишко. Того требовал благородный мескийский гонор.

Форхаф догнал меня в анфиладе залов и стал молча следовать на расстоянии. Вернувшись в свои покои, я приказал провести грядущего гостя в мой кабинет. Викарн не заставил себя долго ждать.

– Кажется, только вчера я велел вам уйти и больше не мозолить мне глаза.

– И мы подчинились, как положено делать тем, у кого не осталось веских аргументов.

– Но сегодня вы решили вернуться.

– Да, тан Великий Дознаватель. У нас появился аргумент.

– Любопытно было бы услышать.

– Извольте…

– Коньяку? Виски?

– Я… не пью, – неожиданно смутился тигр.

Сняв маску и скинув плащ на спинку кресла, я налил себе и кивнул:

– Говорите.

– В канцелярии его величества готовится приказ о реформе тайной службы. Суть этого документа в том, что я буду назначен коронером[2] его величества и отныне вы, то есть ваша ложная личность, будет обязана советоваться со мной во всех важных вопросах. Степень важности тех или иных решений опять же определять буду я.

Покачивая тумблер в одной руке, я некоторое время молча рассматривал его лобастую морду.

– Значит, король решил превратить вас в намордник для меня, но даже не пожелал сообщить об этом. Подло и недальновидно. Как вы этого добились?

– Вовремя подсуетился и, когда он был в бешенстве от потери сестры, заверил, что смогу прекратить то безобразие, которое вы развели, заменив моего хозяина на посту. Вино, эмоции и непривычное для него чувство бессилия легли дополнительными гирями на нужную чашу весов.

– Хорошо, – искренне похвалил я, – очень хорошо. Как говорил Махарий Стузиан: «В войне и на охоте самое важное – дождаться подходящего момента». Ваш наступил скоро. И с какой же целью вы решили прийти и рассказать мне об этом успехе?

– С той же, с которой вчера принес картину. Мы совершили ошибку и раскаиваемся, выражая надежду, что вы согласитесь возобновить сотрудничество.

– А иначе? Вы станете вставлять мне палки в колеса?

– Памятуя о том, что великие империи мира умеют быть жестокими, мы не посмеем. К тому же ваша отповедь пришлась нам против шерсти, но она была справедлива и полезна. Если вы пойдете навстречу, мы обязуемся подчиняться так, как подчинялись нашему господину, до тех пор пока справедливая кара не постигнет его убийцу.

Я вопросительно приподнял брови.

– Справедливость кары установит закон, – добавил он искренне, хотя и приложив усилия.

– Какая покорность. И эти слова вы говорите от имени всей общины?

– От имени каждого викарна, чтящего память Хайрама эл’Рая.

– Хм. Что ж, зеньор коронер, я подумаю и сообщу вам о своем решении. Вижу, утрата не застит ваш разум непроглядной мглой, в отличие от короля. Хорошо, когда кто-то сохраняет способность мыслить здраво. Не смею больше задерживать.

Но он не уходил, а я не гнал, потому что все это происходило ради одного лишь вопроса:

– Вы… действительно его выследили?

– Я этого не говорил.

---

[2] В данном контексте – представитель интересов короны, эмиссар, доверенное лицо короля с полномочиями.

– На аудиенции…

– А если я солгал королю, вы возьмете все свои слова обратно, Форхаф?

– Нет. Один раз мы пренебрегли своим словом, и больше такого не повторится.

Он не задумывался над ответом, говоря от сердца, но изнутри тигра терзала потребность знать правду.

– Откровенность за откровенность. Я не выслеживал Грюммеля, я выслеживал то, что он желал получить. Когда мы встретились, я убил его людей и сломал ему несколько костей. А потом бруха огрела меня поперек хребтины своими чарами, собака сутулая. Простите за вульгарность. Огромное разочарование, не так ли?

– Если то, чего он желал, все еще у вас, успех можно будет и повторить, и закрепить.

Жаль, что у меня этого больше не было.

Тридцатый день от начала расследования

За два прошедших дня изменилось не все, но многое.

Великий Дознаватель покинул королевский дворец и переселился в мескийское посольство. Король действительно издал указ, менявший структуру подчинения в его тайной службе. Лучшие криптологи приступили к расшифровке творений безумного самашита. Эзмерок отправился в Мескийскую империю, под теплое крылышко к Иверин эл'Вэйн. Когда-то она смогла приглядеть за одним красноглазым мальчишкой, а теперь приглядит за другим, пока его судьба не решится.

Все это было раздражающими, но необходимыми приготовлениями. Новая обитель давала больше свободы, но отдаляла от двора, где пришлось оставить соглядатаев в тенях. Новый буфер между мной и тайной службой немного замедлял работу, но шерхарры хранили верность слову и в меру сил содействовали мескийцам. Первый взгляд моих криптологов на то, что породил воспаленный разум Гелиона Бернштейна, показал, что они понятия не имели, на что смотрели. Ну что ж, хотя бы узнал, что это не я так ослаб умом, а загадка оказалась слишком сложной.

Мой исход из обители эл'Азарисов вызвал громкий общественный резонанс. Несмотря на приказ всем структурам держать переезд в строгой секретности, сохранить тайну не получилось.

Одно радовало – незадолго до этих событий в дипломатических встречах решено было сделать перерыв. Послы и переговорщики так устали от бесконечных словесных баталий, что единогласно было решено отложить следующий раунд на время. Не произойди этого, разлад меж арбализейцами и их мескийскими покровителями мог стать стимулом для усиленного давления со стороны винтеррейкско-гассельской коалиции.

– Кажется, все готово. Можем ехать, Себастина.

Два дня назад, сразу после разговора с Форхафом, я приказал отправить в Фатикурей просьбу о личном неофициальном визите Великого Дознавателя к великому теогонисту. Обычно такие прошения получали ответ через седмицы, а то и месяцы, кто бы их ни посылал, но у меня было преимущество – так называемый «ключ от внутреннего двора». На похоронах эл'Рая мне вручили приглашение, невзрачный серебряный медальон, который сократил время ожидания с седмиц на дни.

– Может, хочешь остаться?

Себастина, дотоле тихонько строчившая в дневнике, подняла бледное лицо с большими кругами под глазами.

– Ты неважно выглядишь.

– Простите, хозяин.

Тот удар не прошел для моей горничной даром. За годы служения она с какими только противниками не сталкивалась, даже с настоящим мангуда, однако не припомню, чтобы

когда-либо она чувствовала себя так плохо без явных физических повреждений. Тогда, в гроте, ее не просто сильно ударили, а скорее всего, еще и применили какие-то чары. Проклятая ведьма.

– Временное недомогание – не повод пренебрегать обязанностями. Особенно сейчас, когда Адольф Дорэ покинул нас.

Адольф… да. Его тело все еще лежало в холодильной камере внизу, под посольством. За всеми делами с этой суматохой так и не дошли руки проконтролировать переправку героя на родину.

– Что ж, надевай плащ и маску.

Кортеж покинул посольство рано поутру – хотелось завершить основные дела до сиесты. Вместе со мной и Себастиной в длинном черном «Хокране» ехал опытный маг, а в бронестимерах сопровождения тряслись солдаты Империи.

Не любил я вот так заметно передвигаться, чувствовал себя одной из тех смешных уточек в тире. Предполагаемому врагу достаточно было уничтожить ведущий и замыкающий транспорты, чтобы остановить кортеж, после чего ударить по «Хокрану» каким-нибудь мощным заклинанием, чтобы уничтожить лорда-протектора. Именно от такого исхода нас должен был защитить маг, но никогда не знаешь, на чьей стороне окажется более смертоносная магия.

Все-таки к скрытности привыкаешь, словно к успокаивающей тяжести доспеха, – стоит ее лишиться, и чувствуешь себя нагим.

Около двух тысяч лет назад произошло событие, ставшее реперной точкой в истории Мескии, а следовательно, и всего мира. Император, правивший тогда, оказался на редкость религиозным тэнкрисом, в современной ментальной медицине его состояние именовалось «комплексом мессии». Этот Император задумал превратить мескийскую монархию в теократию, чтобы стать прежде всего первосвященником, а уж во вторую очередь светским правителем. Также он хотел ввести в незыблемый с начала времен культ Луны множество новшеств, которые придумал сам: принять в несмерианство низкорожденных; объявить о существовании альтернативы Шелану, предназначенной для душ грешников; учредить массу новых ритуалов и концепций, таких как «грех» и «искупление».

Благородные таны, высшие лорды и пэры империи, верившие в богиню более консервативно и без такого фанатизма, восприняли реформы в штыки, началась многолетняя гражданская война, унесшая жизни миллионов. Итогом стало низложение Императора-священника и воцарение на престоле его младшего брата. Многие высокородные таны настаивали на том, чтобы новый Император казнил безумца, дабы на корню пресечь будущую угрозу единству династии, однако у того не поднялась рука пролить родную кровь. Безумец был изгнан из Мескии, и его имя открылось миру, потеряв статус священной тайны: Кафаэрис.

Многие считают, что благодаря именно этому династия была и впрямь спасена, что новый Император правильно не стал начинать свое правление с братоубийства. Однако за этот светлый жест была заплачена большая цена – та часть дворян, что очень сильно чтила право первородства и настаивала на казни во имя полной легитимизации, откололась и покинула Мескию. Ныне их потомки зовут себя благородными ингрийскими танами, *истинными* несмерианами, и не почитают Императоров Мескии своими господами.

А что Кафаэрис? Ну, судьба позволила ему оставить более глубокий след в истории, словно уже содеянного было мало. После многих лет скитаний, проповедования Кафаэрис собрал огромное количество последователей и захотел осесть на западе континента. Его приняли в тогда еще совсем юной Арбализее. Глава еретического течения смог переманить в свою веру короля, после чего зильбетантизм стал государственной религией, а близ столицы началась постройка священного Фатикурея.

Оплот веры создавали как отдельное государство в государстве, и зодчие постарались, возводя высокие стены и восемь исполинских башен-крепостей, хранивших в безопасности Город Серебряных Куполов. При этом линия внешних стен имела форму гигантского полумесяца, чьи рога частично окружали большой район, пребывавший под властью Фатикурея.

Попадая в Сиреневый Сад, путник переносился в прошлое. Прогресс почти не затронул этой части столицы, отсутствовало электричество и газ, паровой транспорт не катался по улицам, не тянулись к небу многоэтажные здания. Зато сверкали на солнце белокаменные дома и купола храмов, из фонтанов била питьевая вода, и всюду было вдосталь спасительной тени. И пахло сиренью. Она цвела здесь круглый год, белая, чистая, божественно благоухающая.

На одном из мостов, соединявших Тельпахо и Сиреневый Сад, нас ожидал отряд почетного эскорта – сверкающие серебряными латами храмовники верхом на белоснежных лошадях. Под их предводительством кортеж неспешно проехал по улицам, кишевшим паломниками и страждущими на площадь Основания. Там, у подножия лестницы собора Лунных Врат, гостей встречала делегация высокопоставленных священников.

Скорее всего, я был не первым несмерианином, ступившим на святую землю зильбетантизма, но определенно первым правителем Мескии, посетившим Фатикурей. Принимали, однако, без великой помпы, ибо не Император, да и визит был неофициальным. Собор Лунных Врат служил не только главным входом внутрь священного града, храмом-крепостью, но и резиденцией великого теогониста. Еще его называли Домом Привратника.

Нас провели по анфиладам величественных залов, чье убранство не оставило бы равнодушной ни одну тяготевшую к красоте натуру, перед входом в покои первосвященника попросили сдать оружие.

– Зеньор Великий Дознаватель, пожалуйста, оставьте трость тоже, – попросил немолодой тэнкрис в плаще ордена Безголосых.

– Боевые раны дают о себе знать, я бы предпочел…

– Мы это предусмотрели.

Тут же поднесли футляр, внутри которого лежала роскошная трость. Они знали, что я ношу с собой меч, молодцы.

– Входите.

Многочисленные книжные шкафы превращали просторный зал в каморку, где едва хватало места для письменного стола, молельного угла и трех плетеных кресел с чайным столиком. В одном из кресел у выхода на балкон дремал великий теогонист. Он очнулся сразу же и «осмотрелся» так, словно был зрячим.

– Великий Дознаватель прибыл, святейший, – тихо доложил монах, сопроводивший нас внутрь.

– Славно, Оренваль, славно. Простите, зеньор эл’Мориа, я слегка прикорнул. Сплю бóльшую часть дня, такие мои годы.

– Понимаю.

Старик поднялся и уверенно зашаркал к своему столу.

– Ваш визит – это большая честь, простите, что не вышел встречать лично.

– Не стоит об этом волноваться.

– Да-да, присаживайтесь. Оренваль, принеси-ка бутылку, а мы пока скоротаем время за беседой.

Быстро разделавшись с формальными фразами, благостными пожеланиями и заверениями в самом теплом расположении, мы перешли к делу.

– Думаю, вам интересно, зачем я пригласил вас в гости, зеньор Великий Дознаватель.

– Разве не для того, чтобы помянуть почившего эл’Рая?

Он тихонько рассмеялся.

– Не только. Я подумал, что должен передать вам кое-что, ящичек с ручкой на краешке столешницы, откройте его.

Себастина приблизилась, открыла ящик, внимательно осмотрела содержимое и только после этого показала его мне. Стопка пергаментных листов лежала внутри миниатюрной стазисной камеры, сохранявшей целостность этих старинных документов.

– Это легенда об апофеозе Кашешубана, записанная Авидалем Киренейским со слов последнего живого ду-хаса больше пяти тысяч лет назад.

– Бесценно.

– Воистину бесценно. Незадолго до смерти Хайрам попросил найти это в наших библиотечных фондах и передать ему на изучение. К сожалению, он не сказал, зачем ему это, а я даже не успел выполнить просьбу.

– И вы решили, что это важно?

– Конечно. Для души Хайрам занимался лишь двумя вещами – живописью и дендрологией, все остальное было нужно ему для работы. Нет никаких сомнений в том, что и этот реликт имел к ней отношение.

Безголосый вернулся, неся поднос. Процедура откупоривания бутылки происходила медленно и церемонно, как религиозное действо, монах налил несколько капель маслянистой жидкости в бокал и поднес его к лицу великого теогониста.

– Аромат трех сотен прожитых лет. Разлей.

– Целители не рекомендуют вам употреблять алкоголь, святейший.

– Они мне вообще ничего не рекомендуют, кроме как дышать пореже и стараться не чихать, или окончательно развалюсь. Сегодня будет сделано исключение из моего обычного режима. Разлей.

– Слушаюсь.

– Простите его, зеньор эл’Мориа, Оренваль излишне печется обо мне, хотя и понимает, что огонька свечного огарка не спасти под ударами бури.

– Моя помощница обычно ведет себя тем же образом.

Мы подняли бокалы и провозгласили пожелание душе Хайрама эл’Рая как можно скорее завершить путь по Серебряной Дороге и ступить в Шелан.

– Я боялся, что этот коньяк превратится в какую-нибудь дрянь за столько-то лет, слава богине, что ошибался. Жаль, ты его так и не попробовал, Хайрам, но, увы, вкус победы ве́дом лишь победителям! – Старик говорил весело, но на сердце у него была грусть.

Пригубив, я высоко оценил возраст напитка, аромат, крепость, послевкусие, но память о непревзойденном султе затмевала все. Такова доля познавших совершенство, они больше не могут вкушать хорошее, отличное или великолепное с тем же наслаждением, что и прежде.

– Раз нет других причин, по которым вы пригласили меня, святейший, кроме как помянуть досточтимого эл’Рая и передать документ, позвольте мне задать вам несколько важных вопросов.

Седые брови приподнялись, выгоняя на лоб морщины, старик задумался ненадолго и кивнул.

– Меня интересует личность высокопреподобного Томаза эл’Мора.

– По причине?

– Мм, – я вернул на место нижнюю часть маски, которую отцеплял для дегустации коньяка, – это сложный вопрос, подлежащий тайне следствия. Вы могли не знать, но сейчас на территории Арбализеи действует оперативная группа следователей Имперры. По заданию короля она пытается раскрыть цели, преследуемые Железным Братством.

– И как движется эта благородная миссия?

– Недавно был очередной прорыв. Мы подобрались достаточно близко… но вот внезапно выяснилось, что храмовая стража, как бы это точнее сформулировать, занята параллельным расследованием. Теперь я пребываю в затруднительном положении, поскольку не знаю, как на это реагировать. Если наши структуры не кооперируются, то неизбежно недопонимание, конкуренция, а она в этом деле чревата последствиями. Опять же мне необходимо знать, с какой целью Фатикурей вмешивается в дела международной важности, не имеющие к религии никакого отношения? Вы можете мне помочь, святейший?

– Сначала поясните, как это связано с Томазом эл'Мором.

– Извольте. Мы столкнулись с Шестым полком храмовой стражи, который, как мне стало известно, находится под руководством высокопреподобного.

– Хм. – Старик пристально сверлил меня своими бельмами. – Скажу откровенно, прежде я ничего не слышал о том, что вы рассказали. В силу очевидных причин многие обязанности сняты с моих старых плеч и переданы санктуриархам. Высокопреподобный Томаз эл'Мор уже много лет занят в обеспечении церковных больниц, домов инвалидов, домов скорби, а не так давно он принял на себя присмотр за паломниками, их в Арадон прибывают тысячи. Для этого высокопреподобный получил в распоряжение новый полк. Позже часть солдат отправилась на помощь керубимам, за что те были крайне благодарны. Так все, с позволения сказать, вижу я. Однако у меня нет причин не верить вам, зеньор Великий Дознаватель, сегодня я переговорю с Томазом, выясню детали. А сейчас прошу простить, это дряхлое тело вновь нуждается в сне.

Вот так. Поговорили. Черт подери, если бы не этот монах, притворявшийся мебелью все время…

Раскланявшись, мы с Себастиной удалились, но на обратном пути через пропахшие благовониями залы нас ждала еще одна встреча. Несколько санктуриархов в серебристых мантиях с алой каймой степенно двигались навстречу, а один из них, вместо того чтобы идти, парил в сантиметре над полом вместе со своим креслом.

– Какая встреча, – улыбнулся Томаз эл'Мор, отделяясь от собратьев. – Явились приобщиться к таинству истинной веры, зеньор Великий Дознаватель?

– Я думаю, осматриваюсь. Очень красиво.

– В несмерианских храмах такого не увидишь.

– Верно. Я редко бываю там, но, насколько помню, у нас принято держаться простоты и скромности, а эти фрески, эти барельефы, эта утварь… очень красиво, но невообразимо безвкусно. Сколько все это стоит?

– Не ведаю, – ответил он, глядя на меня своими добрыми серебряными глазами.

– А на что это все куплено?

– Полагаю, на пожертвования.

– Ах да, зильбетантистская церковь ведь собирает пожертвования. Этого у нас тоже нет.

– Как и еще многого, многого, многого другого. Видите моих братьев, монзеньор? Это высшие иерархи церкви, но среди них лишь треть тэнкрисов. Можете ли вы представить, чтобы среди несмериан такое было возможно?

– Не могу, – согласился я, – наш культ не включает низкорожденных, это верно. Однако не помню и раза, когда главой вашей церкви становился кто-то с красной кровью.

– Мы существуем всего двадцать семь поколений[3], дайте время – и мы вас удивим.

– Меня уже удивляет то, как вы трактуете принцип веры: говорите пастве, что Силана любит нас всех, что заботится о нас, что готова принять всех, что она всемогуща и всеведуща, но при этом ей нужны деньги. Как-то так получилось, что совершенная сущность,

[3] Принято считать, что новое поколение тэнкрисов появляется примерно раз в семьдесят пять лет, а не раз в двадцать пять, как у людей.

наша любящая мать и хранительница, не умеет зарабатывать деньги. И сколько бы этих самых денег ни стаскивали в храмы прихожане, ей всегда нужно еще чуть-чуть. – Я вздохнул. – Но фрески красивые, это верно. А еще меня удивляет другой постулат: свобода воли. Силана дала ее всем живым и разумным, как утверждает ваша религия, дабы они были вольны выбирать, ибо свобода – величайшая ценность. Но для тех, чей выбор ей не понравится, она создала специальное место, куда они попадут после смерти и где будут пребывать в страданиях до конца времен. Однако при этом Силана бесконечно любит нас всех. И ей нужны деньги…

– Ваши люди убили моих. – Он казался таким же доброжелательным снаружи, но внутри изначально кружилась снежная вьюга.

– Если у вас есть доказательства, представьте их международному трибуналу.

– Вы забываетесь, зеньор эл'Мориа, думаете, что все еще в Мескии? Здесь ваша неприкосновенность – незначительный дипломатический термин, и, потеряв ориентиры в пространстве, вы быстро окажетесь на кладбище.

– Я рискую оказаться там каждый божий день, но не сейчас. Сами эти стены хранят меня, ведь как только станет известно, что на мое здоровье или свободу в Фатикурее было совершено покушение, пятьдесят шесть орудий «Вечного голода» зальют этот рассадник ереси серебряным пламенем. – Я вздохнул, показывая, как мне было неприятно прибегать к открытым угрозам. – Высокопреподобный, сердце больше не у Валески, оно у меня. Отпустите цыган, если вы еще не замучили их всех.

– Вы вздумали заигрывать с ужасными силами. – Доброжелательная маска испарилась как утренняя роса, его глаза сузились, голос наполнился презрением. – А ведь на кону судьба мира. При этом я даже не уверен, злокозненный вы подлец или просто неведающий дурак? В последний раз прошу, зеньор эл'Мориа, одумайтесь, иначе в конце придется рвать волосы и скрежетать зубами, да поздно будет.

Кулаки сами собой сжались, внезапный приступ раздражения разлился в животе кипящим свинцом, почудилось, что приступ вот-вот захлестнет, но, перебарывая его, я ответил:

– Если у вас есть что-то важное, чем вы можете поделиться, сделайте это. Помогите мне в моей борьбе. Если же нет, то продолжайте говорить тревожными предзнаменованиями и вините во всем других.

Санктуриарх опустил веки и сокрушенно покачал головой.

– Ужели не ясно, что для меня вы недруг? Я вам не верю, а если поверю и ошибусь, все будет обречено. Ведь вы наполовину чужой всему этому миру, в вас течет скверная кровь вашего отца. Я не могу вам доверять и все должен делать сам.

Он удалился.

Вскоре, сидя в прохладном салоне «Хокрана» по пути в посольство, я размышлял о том, что не получил в Фатикурее того, на что надеялся, но обрел то, чего не ожидал.

Отправляясь на аудиенцию, я был готов прибегнуть к своему Голосу, дабы выведать у великого теогониста все о его дражайшем воспитаннике. Во время нашей беседы старик не то чтобы врал, но что-то скрывал, был осторожен, и его телохранитель никуда не отлучался. Из-за монаха любая попытка подчинить старика была обречена. А ведь ради успеха я готов был рисковать, придал визит гласности, дабы использовать угрозу в виде дирижабля, если не получится распрощаться со святыми отцами спокойно.

В итоге допрос сорвался, полученные документы хоть и представляли интерес, не окупали неудачи, но потом состоялся честный разговор с самим эл'Мором, и это было интересно. Честные разговоры без приставленного к горлу ножа в моем ремесле были подобны единорогам – говорят, с ними кто-то сталкивался, но на самом деле это миф.

Мы вернулись как раз вовремя, чтобы спрятаться от палящего зноя в прекрасно охлаждаемых залах посольства. Арбализейский климат вынуждал считаться с собой.

Я сидел в заново воспроизведенной камере Гелиона Бернштейна и изучал предварительный отчет по письменам. Исследования криптологов и лингвистов еще не закончились, но пока что прогресса не наблюдалось, они не могли понять, с чем столкнулись.

– Мне передается ваше разочарование, хозяин, – сообщила Себастина, поднося чашечку с чаем, – они не преуспели?

– И не преуспеют, как мне кажется. Максимум, что смогут, – это высказать смутные догадки, мол, некоторые знаки кажутся знакомыми, да только непонятно почему.

– Но вы уже знаете, что делать, хозяин?

– Есть идея. Завтра наведаемся в гости к одному старому книготорговцу, постараемся расспросить его о сыне, а заодно покажем и эти художества. Чай великолепен.

– Спасибо, хозяин.

Разобравшись с отчетами и передав пергаменты на перевод, я стал готовиться ко второму выезду. Не то чтобы я забыл содержание легенды об апофеозе Кашешубана – этот осколок этноса ду-хаса пользовался большой популярностью как археологический и культурный памятник, но прежние переводчики могли допустить ошибку или внести отсебятину, а я нуждался в тексте наивысшей степени точности.

Ближе к вечеру, когда солнце наконец сжалилось над Арбализеей и земля начала остывать, мы вновь выехали за пределы посольства, но уже на «Гарриразе», в качестве Шадала эл'Харэна и его помощницы. Некоторое время ташшары следили из теней, не увязался ли за нами хвост, а когда этого не подтвердилось, шофер направил стимер на северо-запад. Благо не пришлось пересекать весь город, и довольно скоро, на закате, мы достигли нужного места. Нас ждала важная встреча в Двуличье.

Большинство зданий в этом районе были не столько высокими, сколько *большими*. Говоря проще, то были большие дома с большими окнами и дверьми, построенные для больших жителей. Двуличье являлось единственным местом на западе континента, где жила община мангуда.

Эти существа воистину поражали своей необычностью, они имели две ипостаси, два разных облика, кои менялись в зависимости от пожелания мангуда: первый – почти человеческий, только заметно крупнее; второй – громадное чудовище, сплетенное сплошь из стальных мышц, вооруженное когтями и клыками, неописуемо сильное и живучее.

Местом встречи была таверна, стоявшая прямо на высокой морской набережной. Она носила очень подходящее название: «Под королевским утесом», – так как из ее окон действительно открывался вид на утес королевского дворца. При входе у нас вяло поинтересовались, кто мы и к кому пришли, после чего разрешили войти и подняться на второй этаж. Там имелся обширный балкон, где под открытым небом за столом сидели пятеро мангуда. На широченном сиденье шестого стула сжался, словно стараясь исчезнуть, Хорас Кабо. Седьмой стул ждал меня.

– Желаю доброй ночи, почтенные доны. – Старомодное приветствие я сопроводил оголением головы и почтительным кивком.

Они в ответ приподняли свои плоские кепки за козырьки и привстали со стульев.

– Садитесь, дон эл'Харэн, мы будем есть арбузы.

Официантка, ростом не уступавшая мне, принесла поднос с тарелками и самым большим арбузом, который я видел в жизни. Один из мангуда, поджарый, с кожей цвета бронзы и седыми усами, достал раскладной нож и разрезал ягоду на семь равных частей. Корка у арбуза была тонкой, косточки – крохотными, а мякоть – красной и сахарно-сладкой. Я достал свой нож и начал есть наравне с остальными, не выплевывая косточек и громко хлюпая. После первого арбуза принесли второй, и его разделали на шесть частей, так как Кабо не справился со своей долей. Ему, как выходцу из псовых, да еще и сравнительно мелкому, было простительно. За вторым арбузом последовал третий, и на половине его я позволил

себе откинуться на спинку и сыто рыгнуть. Остальные тоже быстро прекратили есть, официантка унесла корки и вернулась с дымящимися полуторалитровыми чашками самого черного, самого густого и горького кофе, который я когда-либо пробовал в своей жизни. Вдобавок он был очень горячим, словно горящая нефть, и пах ванилью. Я пил мелкими глотками и получал странное удовольствие. На этом нехитрый ритуал закончился.

– Кабо сказал о вашем намерении собрать вместе всех главарей кавандеро столицы.

Говорил тот, кто прежде разделывал арбузы. Его звали Армандо Эскудеро, он прожил долгую жизнь и был в большом почете у сородичей, серебристый вожак. Мангуда не имели четкой иерархии общества, не делились на классы и сословия, не выбирали себе официальных представителей, лишь такие вот старосты издревле говорили от лица общины, и влияние их было огромно.

– Не совсем. Моя цель заставить Старого Грифа покинуть убежище, дабы встретиться с ним и получить некоторую информацию.

– Но он заперся у себя в Каса Побре и оборвал почти все контакты с внешним миром, понимаю.

– Именно. Я прошу вас объявить о сходе главарей и послать одно приглашение ему, без указания конкретных причин. Если он прибудет…

– Если он прибудет, то окажется под нашей опекой и, не пожелав сотрудничать с вами, спокойно отбудет обратно. Я не могу позволить нашей репутации пострадать ни за какие блага мира.

Я понимающе кивнул.

– Что ж, в таком случае созовите остальных, дабы я смог сделать им деловое предложение. Кабо сказал, что нет места лучше Двуличья и никого надежнее вас.

Остальные мангуда молча слушали, глядя на меня из-под козырьков, Эскудеро грел руки своей чашкой.

– Допустим, я поручусь за вас и устрою встречу. Как вы намерены добиться их согласия?

– Я предложу им золото.

– Оно у них есть.

– Я предложу им столько золота, сколько они не смогут себе представить.

– Хотите их купить?

– Хочу прибегнуть к их помощи. Если для этого придется покупать, так тому и быть.

– А меня вы как хотите купить?

– Вас, дон Эскудеро, я не намерен *покупать*. Уверен, соглашаясь на эту встречу, вы уже знали, чего желаете, расскажите мне, и посмотрим, чем мы способны помочь друг другу.

Оказалось, что он хотел будущего, иначе не сказать.

За последние четырнадцать лет в Мескии было произведено больше реформ, чем за весь девятнадцатый век. Я строил новые социальные лифты, раздавал права, расширял возможности низкорожденных, за что меня кляли замшелые консерваторы, а также налагал на прежде ущемленные сословия новые обязанности, за что меня кляли свободолюбивые либералы. Чужие народы извне следили за процессом и думали, прикидывали, сравнивали.

Мангуда обитали на землях Арбализеи черт-те сколько поколений, и за это время их жизненный уклад практически не переменился. Во многом они походили на тех же ларийцев, о которых мало заботилась власть. Двуликие могли заниматься ограниченным числом профессий, жили компактно, почти не путешествовали, не имели равных со всеми возможностей, чувствовали себя изолированными. Я не мог точно сказать, что им не нравилось больше – само положение вещей или же чувство ущербности? В государственные структуры мангуда не брали, по морю они сами ходить отказывались, но даже в армии, где их всегда

ждали с распростертыми объятиями, не удавалось подняться выше младших офицерских чинов. Стагнация.

У Армандо Эскудеро было несколько детей и множество внуков, которым предстояло жить в Арбализее точно так же, как жили их предки. Старик желал им иного, хотел знать – смогут ли мангуда, оказавшись в Мескии, получить право попробовать достичь большего?

– Если мы договоримся, я гарантирую вам беспрепятственное переселение в Мескию, подданство, начальный капитал, участок земли всем вместе или каждому в отдельности, а вашим потомкам – все права и возможности, которые по бесконечной милости своей Император гарантирует народу.

Мангуда молчали, думали, и, следя за их эмоциями, я предвидел протянутую руку прежде, чем она действительно была протянута. А потом я сжал ее со всей своей силой.

– Но не забывайте, что вместе с новыми правами приходят и новые обязанности. Иначе какой смысл?

– Этого мы не боимся.

– Вот и замечательно. Обговорим детали?

Было решено, что он отправит своих сородичей с посланием ко всем значимым главарям. Посыльный-мангуда придавал особый вес самому посланию и сразу же служил подтверждением гарантии безопасности. Встреча, или, как выразился Эскудеро, сходка, была назначена на десять часов следующего вечера. На том и порешили. Я покинул «Под королевским утесом» в компании шргала, который за все время не произнес и слова.

– Вы получите причитающееся вам завтра после завершения сходки.

– Спасибо, зеньор.

– Вам спасибо. Вы оказались весьма полезным подспорьем в моем деле. Подвезти?

– Нет, у меня есть на чем добраться до дома. Спокойной ночи.

– Спокойной.

Мы с Себастиной сели в «Гаррираз», и, прикрыв рот ладонью, я позвал:

– Симон.

– Хозяин? – послышалось тихо из-под сиденья.

– Пошли кого-нибудь присмотреть за шакалом. Если он попытается разболтать о нашей встрече, пусть его уберут.

– Возможно, будет лучше убрать его сразу, в превентивных целях?

– Лучше, но у меня сейчас сердце не лежит к разумному прагматизму. Пусть за ним просто присмотрят.

– Будет исполнено, хозяин.

– И еще, что-нибудь нашли в Каса Побре?

– Ищем и слушаем, хозяин, но пока ничего подозрительного, простите.

На обратном пути столица казалась какой-то тихой, сонной, умиротворенной. Арадон любил ночную жизнь, но то ли что-то переменилось в его настроении, то ли на благополучных улицах Нобилитэ жители предпочитали вести себя более цивильно. А вот мне самому даже за надежными стенами посольства покой только снился. Возможно, я и дал бы себе перевести дух, но как раз поступил новый отчет, оказавшийся очень интересным.

Моя память уцепилась за одно имя, произнесенное врагом в том проклятом гроте, – Штейнер. Я приказал аналитикам прогнать его по нашим архивам, и хотя это был тычок пальцем в небо, угодил он прямо кому-то в глаз. Из всех более-менее интересных личностей, носивших это имя, а точнее, фамилию, был отобран один-единственный, могший быть связанным с международной политикой, и папка с его досье ждала меня на письменном столе.

Его полное имя звучало как Освальд Менге Штейнер, коренной винтеррейкец, доктор медицины, биоалхимик, дока в систематике эволюции видов и генетических отклонениях, передающихся по наследству. Этот светлый ум был интересен главным образом тем,

что являлся самым молодым специалистом, привлеченным правительством Винтеррейка к работе в сверхсекретном проекте «Überwolf»[4]. И единственным среди коллег, кому удалось выжить.

Проект был так глубоко засекречен, что имперская разведка за один лишь список научного персонала заплатила слишком большой кровью, а до сути исследований так и не добралась.

Как бы то ни было, что-то сорвалось, винтеррейкцы прикрыли «Überwolf», а всех ученых либо продержали в изоляции до самой смерти, либо сразу же устранили. Только Освальд Штейнер смог сбежать из-под неусыпного ока спецслужбистов, тайно покинуть родину и впоследствии годами скрываться. Винтеррейк объявил ученого предателем, сумасшедшим, врагом государства и предложил немалые деньги за его голову. В деле говорилось, что Ночная Стража тоже заинтересовалась Штейнером, но найти его не смогла.

К прочим документам прилагалась старая цветная фотография, с которой неподвижно улыбалась группа врачей, биоалхимиков и магов-целителей, все – люди. Этот снимок сделали в самом начале проекта, и предполагалось, что после успешного завершения он станет памятным подарком для членов научной группы. Должен сказать, что если бы не такое полезное приложение, я бы мог счесть совпадением эту дурацкую фамилию – ну мало ли в мире Штейнеров? Однако фото не оставляло сомнений. Самый молодой из запечатленных ученых, плотный, с круглым улыбчивым лицом и косившими в разные стороны глазами, имел ярко-рыжий, почти морковный цвет волос.

– Этот человек, Себастина, присутствовал на выступлении Инчиваля, когда того похитили. Его имя упоминал Грюммель, он, несомненно, связан и с террористом, и с Драконом Времени. Посмотри на дату внизу фотографии, пожалуйста.

– Одна тысяча восемьсот сорок девятый, хозяин.

– Верно. Снимок сделали, когда Освальду Штейнеру было двадцать семь лет, он родился в одна тысяча восемьсот двадцать втором году, и сейчас ему девяносто два года, но на вид больше сорока не дать.

– Вывод очевиден, хозяин.

– Элементарен. А теперь сложи воедино все компоненты: древнее божество, повелевающее временем; фанатики-террористы, употребляющие его ихор для усиления; их лидер, владеющий оружием огромной силы и неизвестной природы; бруха Адалинда, владеющая опаснейшими познаниями в колдовском искусстве; технический гений Инчиваля; все то, что Луянь Чэн им поставил; а теперь еще и биоалхимик-ренегат, владеющий такой важной информацией о проделках Винтеррейка, что родная страна кипятком исходит от желания увидеть его в гробу. Что получается?

– Не знаю, хозяин.

– И я не знаю, понимаю лишь, что готовится нечто грандиозное. Со знаниями и умениями этих ученых при должном финансировании можно сотворить что угодно. Да только, не понимая конечной цели, я не могу задать главного вопроса: кому выгодно? Мотив Дракона Времени ясен, он желает возрождения и мести. В достижении цели ему помогает ведьма и архитеррорист. Понимают ли они, что двигают мир к уничтожению? Хотят ли они этого, плевать ли им, либо они желают получить иную выгоду? Это, как говорил старый эл’Реко, «террариум единомышленников».

– Скорпионы договорились, – припомнила Себастина слова моего прежнего начальника, которые тот любил повторять, обсуждая новые союзы в мировой геополитике.

Я улыбнулся воспоминаниям.

– Мне подготовить вашу спальню, хозяин?

---

[4] Сверхволк (*винтерр.*).

– Да, отправлюсь на боковую, как только закончу изучение.

Себастина удалилась, а я зарылся в бумаги и вскоре сам не заметил, как сон захватил меня.

Туман клубился на кривых улочках ночного Боса-Лербо, приглушая свет заправленных китовым жиром фонарей. Этот городок стоял на морском берегу, собранный из досок, усыпанный белым песком, старый, уродливый и зловонный. Времена, когда через него шел поток живого товара, миновали, теперь каменная крепость, прежде охранявшая бухту, была пуста, ее бросили и солдаты, и господа. Зато деревянные трущобы, построенные без фундамента на песке, днем изнывавшие от жары, а ночью – от тропической духоты, продолжали жить. Ни ураганы, ни гигантские приливы, ни время так и не смогли уничтожить их, что казалось насмешкой над мертвой крепостью.

На душных туманных улочках ночного Боса-Лербо слышалась музыка. Я решил пройтись, чтобы найти ее источник, и вскоре добрался до портового кабака, чьи окна ярко горели, а изнутри доносились звуки веселья, голоса, смех и та самая музыка, заводная и живая. Внутри было много столов, и была сцена, чернокожие люди пили ром, курили игиш, слушали квартет музыкантов и очаровательную певичку, подбадривая их аплодисментами.

Ко мне приблизился черный как смоль официант с зубами, сверкавшими неестественной белизной.

– Доброй ночи, сиятельный мбхеш, Барон ждет вас.

– Благодарю.

Шелеба устроился за самым большим столом в огромном кресле из костей и рогов животных, обтянутом львиной шкурой. Под каждой его рукой томно нежилась чернокожая красотка, изо рта торчала сигара, на столе выстроилась бутылочная батарея. Он не удостоил меня и взгляда, лишь небрежным движением унизанной перстнями длани велел женщинам уйти. Я сел по левую руку от Барона и принял стакан с чем-то бурым. Оказалось, то была кердука – кукурузная водка со свиной кровью. Сам бог хорошенько приложился к рому, да так и не выпустил бутыль из пальцев, принявшись постукивать по стеклу в такт музыке.

– Отвратное пойло.

– Хочешь моего рому?

– О нет, благодарю.

– Хм. Как тебе местечко?

Я осмотрелся.

– Колоритное.

– А как тебе девочка? – Он указал на певицу.

– Весьма одарена.

– Хочешь ее?

– Нет.

– Даже во сне не умеешь веселиться! – хмуро заметил Барон Шелеба. – Хотя зачем нужны мелкие бабенки на стороне, когда есть такая прекрасная жена, верно? Выпьем за твою жену!

Мне очень не понравилось, что он вдруг вспомнил про Бель, но допить стакан пришлось. Улыбчивый официант немедленно долил кердуки и исчез.

– Ты вновь хочешь меня поторопить?

– Нет-нет, мне ведь просто так приятна твоя компания, Бриан эл’Мориа. К тому же ты успел капитально, как это говорится, облажаться, упустив свой шанс, и скоро, совсем-совсем скоро ты будешь жалеть об этом.

– Мне не нравится этот сон, – заметил я, разглядывая стакан с бурой гадостью.

– Это не сон, – улыбнулся Барон Шелеба, противореча сказанному прежде, – я пригласил тебя в гости из Арбализеи, разве не ясно?

Признаться, это сообщение меня немного обескуражило.

– Ух.

– Ага, воистину «ух»! Здесь, кстати, тот же часовой пояс, что и в Старкраре, если тебе интересно. Хех, если бы мир действительно был плоским, как верили раньше, мы были бы прямо под твоим любимым промерзлым городом, только намного, намного южнее.

Некоторое время мы пили, наслаждаясь музыкой, но мое терпение вскоре закончилось.

– Так для чего ты меня позвал? Наша договоренность еще в силе?

– О да, – нехорошо усмехнулся он, постукивая пальцем по бутылке, – в силе. Договор, который я заключаю, не разрушит даже сама смерть, помнишь? Хм, а если коротенько, я просто хотел тебе сказать, что недавно ко мне забегала Нэгари. Она обеспокоена не на шутку, да и я словно на гвоздях сижу. Мы вновь стали слышать его бой, Бриан эл'Мориа, бой сердца Кахранолтара. Доселе оно было сокрыто от нас, мы не знали, где оно, однако пару дней назад эхо от его ударов вновь стало разноситься по миру, сначала едва слышно, но потом все громче. Боги напуганы.

Пару дней назад я получил сердце от Валески. Интересно.

– Чем громче бьется сердце, тем легче Кахранолтару его найти. Он знает, что сердце у тебя. – Постукивание пальцем по стеклу становилось все быстрее.

– Но его у меня нет.

– Ошибаешься. – Барон впервые посмотрел на меня прямо, и в пустоте его глазниц полыхали фиолетовые искры. – Оно у тебя.

Звонкий стук пальца по стеклу уже перекрыл звуки музыки, все происходившее вокруг как-то отдалилось и померкло, духота сменилась могильным холодом.

– Послушай, Барон, разве не этот палец ты отдал мне в знак дружбы?

– Этот самый. Тебе не кажется, что похолодало? Хм? А мне кажется. Ну, всего плохого!

Я проснулся и закашлялся, выдыхая белый пар. В кабинете царил лютый мороз, по стенам и мебели расползлись инистые узоры. Сначала подумал, что, быть может, засбоили чары климатического контроля, но тут же отбросил эту мысль. За всеми магическими системами посольства двадцать четыре часа в сутки следили опытные профессионалы… От дальнейших размышлений отвлек стук. Он так и не прекратился, колотил частой дробью – как во сне, так и наяву.

Я приблизился к стене рядом с книжным шкафом и пальцем провел по ней длинную вертикальную черту – скрытый магией сейф отреагировал на хозяина, и демаскированная дверца отворилась. Среди прочих вещей, которые я хранил внутри, имелся небольшой янтарный футляр, который мелко дрожал, издавая стук. Стоило крышке открыться, костяной палец едва не выпрыгнул наружу. Он извивался как безумный и продолжал колотить по янтарю, периодически «вставая на дыбы» и словно пытаясь куда-то указать.

Внезапно еще кое-что меня насторожило: во всем посольстве не осталось ни единого источника эмоций, все живое словно исчезло.

Я без особых раздумий обвязал вокруг пояса патронташ с несколькими тяжелыми дисками и достал из сейфа один из «Доминантов».

Дверь с хрустом поддалась. Снаружи кабинета царил тот же мороз, окна белели инеем, электрический свет горел приглушенно, словно ему тоже было холодно. Сжимая оружие правой рукой, в левой я держал футляр и пытался понять – куда же стремился оживший палец Барона Шелебы? С горем пополам мне это удавалось. По пути вниз то и дело встречались работники и охранники посольства, застывшие посреди помещений как ледяные статуи. Подгоняемый нешуточной тревогой, я перешел на бег. Холод покусывал кожу и старался заползти в легкие.

Металлические двери бункера превратились в ржавую пыль, а охранники – в неподвижных истуканов. Вдалеке раздавались частые громкие стуки, но прежде чем добраться до их источника, я заглянул к Карнифару. Оцепенение застало ученого в процессе сборки нового автоматона собственной разработки. Хинопсы стояли рядом и при моем появлении приветственно кивнули.

– Рад, что хоть кто-то кроме меня остался в строю. Когда на нас напали?

Они переглянулись, совещаясь, после чего опровергли эту гипотезу. Никто не проникал на нашу территорию, скорее наоборот, кто-то вырвался на волю, и произошло это два часа назад.

– Рад, что вы сохраняете свое обычное спокойствие. Надеюсь, этот эффект застывшего времени не перманентен?

Хинопсы заверили, что вскоре все вернется в норму. Их ничто не смущало и не пугало, эти существа ведали, как работал мир, но относились к нему с определенной степенью отрешенности, пока ничто не грозило фундаментальным основам.

Оставив их, я отправился искать источник шума и вскоре оказался в медицинском блоке, а точнее – в прозекторской, где имелись холодильные камеры для тел. Одна оказалась пуста и пребывала в довольно плачевном состоянии, ее металлическая дверца, вырванная с мясом, валялась на полу. Присев над ней, я прочел: «Адольф Дорэ № 08».

– Проклятье!

Его тело так и не отправили в Мескию, все занимались моим переездом из дворца, суматоха кружила головы ответственных лиц. Какой позорный конфуз, один из лучших людей Империи уже несколько дней валялся забытый в холодильнике, и Силана ведает, сколько бы еще это продлилось… кабы он не сбежал? Труп Адольфа Дорэ сбежал?

Приготовившись к бою, я открыл одну из целых холодильных камер, откуда, к слову, и доносился непрестанный стук, но наружу вывалился всего лишь труп технократа. Он оставался мертв, сомневаться не приходилось, зато колонии кристаллов в его плоти светились бирюзовым, и окоченевшие мышцы судорожно сокращались, словно от разрядов электричества.

Бросив извивавшегося покойника, я ринулся обратно. Палец Барона вывел к воротам, через которые Адольф покинул мескийскую землю, а дальше идти по следу было легко – наста в Арадоне не наблюдали даже зимой, не говоря уж о лете.

Изредка по пути встречались «замороженные» существа, коих, к счастью, было немного: несколько случайных прохожих и керубим ночной смены, так и не успевший вытянуть из-за пояса дубинку.

Я ехал по ночным улицам Нобилитэ, держась холодного следа, а плохо прогретый впопыхах стимер кашлял, то и дело грозя заглохнуть. Приходилось прилагать усилия, чтобы провести машину по обледенелой дороге на летних шинах и не дать случиться роковому заносу, но мне удавалось. Новой проблемой стала потеря следа – нетающая ледяная корка вывела на очередной перекресток и там исчезла.

Судя по всему, на том месте произошел бой. Витрины фешенебельных магазинов, что располагались на первых этажах, были уничтожены, по стенам самих зданий пролегали борозды пулевых отверстий, на брусчатке читались следы нескольких видов шин и валялись пустые гильзы. Изучив следы, я распознал один тяжелый транспорт, скорее всего фургон, и несколько двухколесных – мотоциклеты. Осмотр гильз лег последними мазками на картину. Это были винтеррейкцы.

Труп Адольфа прилично отдалился от нашего посольства, но тут его перехватил летучий отряд пепельных драгун, и завязался бой. Патронов они не жалели, стреляли из своих автоматических винтовок, маневрировали, кружили, заходили с разных сторон. Многие погибли. Тел не осталось, но эмоции, все еще витавшие в воздухе, были лучше материаль-

ных свидетельств – страх, решимость, отчаяние. А потом винтеррейкцам как-то удалось схватить Адольфа и увезти. Куда? Нетрудно догадаться, что в свое посольство. Дипломатические представительства всех крупных стран располагались в Нобилитэ сравнительно кучно.

Итак, я оказался перед непростым выбором: возвращаться обратно или продолжать это гребаное ночное приключение? «Доминант», заряженный патронами с черной ртутью, несколько ножей и Голос были неплохим подспорьем в любом бою, но для штурма винтеррейкской твердыни потребовалась бы армия. А было ли мне это нужно? Такое посягательство являлось прямым путем к объявлению войны с Винтеррейком и всей Северной коалицией.

С другой стороны, они захватили существо, в которое превратился мой человек – разумеется, вели слежку за нашим посольством, как мы ведем за их, – и все это было как-то связано с сердцем Дракона Времени. На что им этот артефакт? Что они о нем знают и как хотят использовать? Плевать! Важно лишь то, что сердце в буквальном смысле было мне жизненно необходимо, и я решил, что эта ночь предрасполагала к безумию.

Одним из разгромленных заведений на перекрестке являлась лавка портного, где могли отовариваться состоятельные подданные. Среди подстреленных манекенов на витрине нашелся один, по размерам соответствовавший моему виду: клиенты-тэнкрисы всегда и везде были желанны. Оставив несколько золотых монет в засыпанном осколками стекла помещении, я забрал с собой один черный плащ и одну шляпу-котелок.

План посольства имелся, информация об охране тоже, у меня было оружие, навыки и решимость. Не хватало Себастины, которая, увы, «замерзла» вместе со всеми, однако решение уже было принято.

Каково же было мое удивление, когда оказалось, что в эту самую ночь взять винтеррейкское посольство штурмом решил не один лишь я, и конкуренты подготовились гораздо лучше.

Звуки стрельбы и взрывы стали раздаваться, когда я остановился за несколько улиц до аллеи Кантераля. Нужно было одеться и натянуть на лицо противогазовую маску из бардачка, чтобы добиться хоть минимальной конспирации, но пока я копался, веселье уже началось.

Боевики Железного Братства были доставлены к главным воротам посольства на шести грузовиках. Они пошли на штурм сразу же после выгрузки и, используя гранады, быстро взяли КПП. Закрепившись, террористы стали поливать фасад пулеметным огнем. Из посольства, надо отдать им должное, ответили сразу же, будто ждали нападения. Шквал огня не позволил захватчикам продвинуться ко входу в главный корпус, но те и не особо рвались.

Пока одна группа технократов привлекала к себе внимание, вторая заходила с юга, а именно – собиралась ворваться в крыло военного атташата. Я понял, что нужно действовать, и с «Доминантом» наперевес ринулся к ним. К тому моменту когда очередь ртутных пуль выкосила полтора десятка террористов, они уже успели уничтожить створки южных ворот бесшумными алхимическими минами и перебить охрану. Дальше ничто не помешало мне осуществить вторжение на территорию суверенного государства.

Постоянно пользуясь Голосом, я избегал внимания охраны и персонала, а если мое вторжение замечали, приходилось удушать эмоции свидетелей, чтобы выиграть время. Я был готов пролить много крови, когда принял решение врываться, но на месте, ознакомившись с новыми обстоятельствами, захотел попробовать завершить дело чисто.

Пользуясь планом здания, все еще накрепко сидевшим в голове, я продвигался к камерам временного содержания. Официально помещений такового назначения не существовало ни в одном посольстве, но на деле они были у всех. Проблема заключалась в том, что камеры сии располагались в главном корпусе, где наверняка было не продохнуть от винтеррейкских

солдат, отражавших атаку. Грохот выстрелов снаружи не прекращался ни на минуту, крики и топот внутри здания тоже.

В главном корпусе стало тяжелее. Я старался держаться подальше от передней части здания, двигаться быстро и прятаться, когда приближались источники эмоций, но меня все равно четырежды обнаруживали. Вход в тюремный блок охраняли часовые, которых я погрузил в состояние глубокой апатии. Они безразлично следили за тем, как я одним выстрелом уничтожаю замок и врываюсь внутрь. Еще один караульный, сидевший по ту сторону за столом с учетной книгой, попытался выхватить табельное оружие, но получил перелом руки и был поднят над полом за грудки.

– Здравствуйте, сударь, меня интересуют последние поступления.

– Какого дьявола?! Моя рука!

– Простите за причиненные неудобства. Мне нужен человек, мужчина, рост сто семьдесят сантиметров, брюнет с проседью, пышные усы, пятьдесят лет, возможно, мертв. Есть у вас тут кто-то подходящий под описание?

– Мне больно!

– Это значит, что вы еще живы, но это поправимо. Так как?

– Здесь никого такого нет! – выдавил солдат, корчась. – У меня только один заключенный, и тот – баба! Можешь посмотреть в книге!

– Что ж… напомните-ка мне, где у вас медблок? А, хотя вспомнил, северный корпус, под этажами консульского отдела.

Погрузив и этого человека в апатию, я собрался уходить, но за спиной вдруг раздалось:

– Бриан! Бриан, я здесь!

В блоке было несколько камер, все за металлическими дверьми, голос исходил из четвертой слева. Открыв смотровое окошко, я встретился взглядом с серебряными глазами.

– Бри.

– Кименрия.

– Я так рада тебя видеть… Богиня всевеликая, что это?

– Противогаз, – последовал ответ. – Странно, я знал, что ты на территории посольства, но ни на миг не задумался о том, что мы можем встретиться.

– Все потом! Скажи сначала, что с нашим сыном? Он жив?! Ты смог его уберечь?! Винтеррейкцы говорят, что он погиб, но я не верю…

– Эзмерок жив и невредим.

Тугой узел страха, пульсировавший в ней, был в одночасье разрублен, Кименрия сползла по двери на пол, рыдая от счастья. Времени было очень мало, но все же я не торопил ее, уважая священные чувства матери к своему чаду.

– Я так рада! Так рада! Слава Силане, мой мальчик жив! Бри, пожалуйста, – утирая слезы, она вновь появилась в поле зрения, – выпусти меня! Когда эти низкорожденные поняли, что я передавала информацию мескийцам, они решили меня тут сгноить!

– По ту сторону двери тебе безопаснее, чем по эту.

Она отшатнулась как от сильного толчка.

– Но я… Бри, я же помогала, я выкрала для вас этот камень, который они считали таким важным! Я…

– Ты потомственная предательница, все, что ты пытаешься сделать, – это выжить. К тому же злодеяний твоих не смыть и сотней подвигов.

– Бри…

– Не называй меня так, Кименрия.

Слабые проблески надежды в ней стали угасать, не успев по-настоящему разгореться, но Кименрия не была бы чистокровным тэнкрисом, если бы сразу сдалась.

– Пожалуйста, прости меня! Неужели тебе мало четырнадцати лет моего страха?! Четырнадцати лет бегства, Бриан, четырнадцати лет…

– Четырнадцати лет слежки, поисков, сбора информации. Почти полторы декады я стремился покарать тебя за предательство и все представлял, как это произойдет… Поверь, Кименрия, что бы тебе здесь ни грозило, это гораздо лучше, чем то, что с тобой сделаю я.

Когда-то давно мы были любовниками, и эта близость позволила Кименрии обмануть меня, предать империю, опозорить мою семью и сбежать. Никакого тепла к ней внутри меня не сохранилось.

– Бри, – тихонько произнесла она, пытаясь разглядеть мои глаза за стеклами, – я родила прелестного мальчика. Нет на свете ребенка красивее и умнее Эзме, и он твой. Позаботься о нем, пожалуйста.

– Непременно, ведь в нем кровь ди'Аншваров, кровь моей семьи. Мальчик получит лучшее в мире образование, благородное имя и возможность полностью реализовать свой потенциал, после чего посвятит жизнь благородному служению.

– Я не этого для него желаю. Эзме нужна защита, но и любовь тоже нужна. Без любви мой ангел завянет как цветок во мраке. Люби его за нас обоих, умоляю, он так похож на тебя…

Бросив на нее последний взгляд, я закрыл смотровое окошко и, прежде чем поспешить к медблоку, перебил охранников. Изначально это не подразумевалось, но даже полностью апатичные, они не были глухими. О том, что сама Кименрия выдаст меня, скорее всего, волноваться не следовало. Во-первых, слово преступницы, объявленной в международный розыск, против моего ничего не значило. Во-вторых, у меня был ее сын, и хотя мальчику в любом случае ничто не грозило, его мать слишком сильно боялась за него, чтобы меня злить. В-третьих… я вдруг понял, что не хочу убивать мать этого ребенка. Я не простил ее, но все же что-то изменилось, и я не желал казнить преступницу собственноручно. Размякаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.